

Оригинальная статья / Original paper

А.В. Ганин

«Я предлагаю свои услуги ВЧК...»

Бывший генерал А.М. Зайончковский и органы ЧК
в 1919–1921 гг.*

Аннотация

Статья посвящена истории драматичных взаимоотношений одного из видных военных специалистов Красной армии бывшего генерала от инфантерии А.М. Зайончковского с советской властью в 1919–1921 гг. В тот период Зайончковский контактировал с антибольшевистским подпольем, а также передал белым важные оперативные документы, несколько раз арестовывался органами ЧК и в конце концов стал негласным осведомителем ВЧК. В основе публикации впервые вводимые в научный оборот рассекреченные архивные документы.

Ключевые слова

РККА; Гражданская война; военные специалисты; А.М. Зайончковский

Для цитирования

Ганин А.В. «Я предлагаю свои услуги ВЧК...»

Бывший генерал А.М. Зайончковский и органы ЧК в 1919–1921 гг. // Исторический вестник. 2025. Т. LII. С. 10–79. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.009>

* Выражаю благодарность к.и.н. В.Б. Каширину за высказанные замечания.
© Ганин А.В., 2025

Andrey V. Ganin

«I Offer My Services to the VChK...»

Former General A.M. Zayonchkovsky and the VChK
in 1919–1921

Abstract

The article is devoted to the history of the dramatic relationship between one of the prominent military specialists of the Red Army, former Infantry General A.M. Zayonchkovsky, and the Soviet government in 1919–1921. At that time, Zayonchkovsky was in contact with the anti-Bolshevik underground, and also handed over important operational documents to the Whites. The military specialist was arrested several times by the VChK and eventually became a secret informant of the VChK. The publication is based on declassified archival documents introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords

Red Army; Civil War; Military Specialists; A.M. Zayonchkovsky

For Citation

Ganin Andrey V. «I Offer My Services to the VChK...»

Former General A.M. Zayonchkovsky and the VChK in 1919–1921 // The Historical Reporter. 2025. Vol. 52. P. 10–79. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.009>

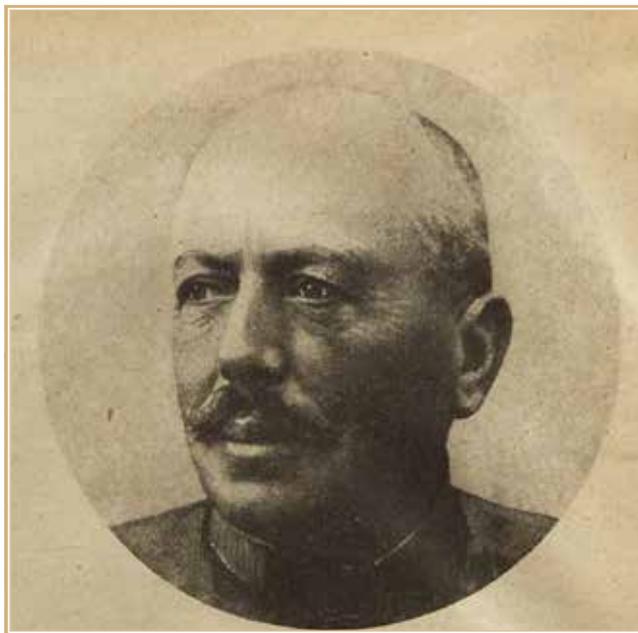
редставления о том, что бывшие офицеры в Советской России не могли и шагу ступить без ведома органов ЧК, давно стали общим местом. При этом реальный уровень контроля за «бывшими» исследован лишь поверхностно, поскольку документация архивов органов государственной безопасности остается труднодоступной. Основным видом источников, к которому могут обращаться исследователи в ведомственных архивах, являются архивно-следственные дела на реабилитированных лиц. Несмотря на то, что это, по-видимому, не самый информативный вид чекистской документации по надзору за «бывшими», в материалах таких дел порой случаются неожиданные находки и открытия.

Автору этих строк довелось ознакомиться с прежде недоступными, но исключительно ценными и информативными наблюдательными и следственными делами 1919–1921 гг. в отношении выдающегося отечественного военного деятеля и военного историка (автора сохраняющих свое научное значение и по сей день трудов о Первой мировой и Крымской войнах), одного из виднейших военных специалистов Красной армии, бывшего генерала от инфантерии Андрея Медардовича Зайончковского (1862–1926). Изученные документы дали возможность провести наблюдения и сделать выводы об оперативной работе ВЧК в отношении военспецов в годы Гражданской войны, а также пролили свет на деятельность Андрея Медардовича в 1918–1922 гг., позволив уточнить некоторые важные детали.

Разумеется, различные аспекты биографии А.М. Зайончковского и ранее привлекали внимание исследователей¹, хотя не все публикации о нем заслуживают внимания². Вместе с тем послереволюционная биография бывшего генерала остается изученной недостаточно, в том числе из-за недоступности многих важных источников. Отсутствие доступа к материалам дел Зайончковского порождало ошибочные пред-

¹ См., напр.: *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // «Studia Balkanica» (К юбилею Р.П. Гришиной). Сб. статей. М., 2010. С. 139–185; *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 136–141. Нашу реконструкцию жизненного пути Зайончковского см.: *Ганин А.В.* 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 79–102.

² К примеру, статья П.И. Шестопалова лишь пересказывает ранее опубликованные, в том числе нами, сведения (*Шестопалов П.И.* Генерал А.М. Зайончковский на службе в Советской России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 94–98) и не содержит никаких новых данных.

А.М. Зайончковский

положения об обстоятельствах его арестов³ и не позволяло в полной мере разобраться в его поступках и мотивах поведения. Теперь же внимание читателей предлагается более сложная, чем прежде, картина

³ Автором этих строк арест Зайончковского по документам РГВА был неверно датирован январем 1921 г. (Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 639). А.А. Зданович предположил, что на Зайончковского чекисты могли обратить внимание уже в 1920 г. в связи с его польскими корнями и возможностью вербовочных подходов польской разведки к нему как к члену Особого совещания, осведомленному о планах командования РККА (Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК — НКВД, 1918–1938. М., 2017. С. 90), что не нашло подтверждения в документах дела (мы ранее отмечали и то, что никакой особой осведомленностью члены Особого совещания не обладали). И.В. Проваленкова выдвинула смелое, но бездоказательное предположение, что Зайончковский передавал белым не ценнейшие данные, а дезинформацию и мог быть секретным агентом ВЧК уже в 1919 г. Кроме того, она предположила, что арест Зайончковского был связан с его действиями в 1919 г. при наступлении белых на Москву и что освобожден он был осенью 1921 г. (Проваленкова И.В. Русский военачальник и военный ученый А.М. Зайончковский // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки (Орел). 2008. № 1. С. 30–35; *еже*. Генерал А.М. Зайончковский между «красными» и «белыми» // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года: Мат. Всерос. науч. конф., посв. 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 г. Орел, 2010. С. 57–66). Однако это тоже неверно. Целый ряд ошибочных утверждений в отношении службы, арестов и сотрудничества Зайончковского с ВЧК содержит работа В.А. Верременко и В.В. Каминского (Верременко В.А., Каминский В.В. Андрей Медардович Зайончковский: скрытый идеалист и лживый царедворец // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 397–409).

поведения бывшего белого генерала в переломный период Гражданской войны в России.

А.М. Зайончковский не был лояльным военным специалистом Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), считался человеком хитрым и ловким. Как отмечал другой известный военный ученый и также бывший генерал А.А. Свечин, «Зайончковский по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»⁴. Разумеется, эта оценка крайне субъективна и, очевидно, продиктована соперничеством двух военспецов, однако содержит и рациональное зерно.

В конце 1918 г. Зайончковский был арестован⁵, содержался в Таганской тюрьме⁶ и был судим в московском трибунале по обвинению ВЧК⁷, однако в связи с чем, установить не удалось. Дефицит кадров опытных генштабистов сыграл роль в его скором освобождении — 8 января 1919 г. было выпущено постановление Совета рабочей и крестьянской обороны с предложением ВЧК в трехдневный срок сообщить, какие предъявлены обвинения ему и другим арестованным генштабистам⁸. После этого Зайончковского освободили за отсутствием состава преступления — и уже 18 января 1919 г. он был призван при переосвидетельствовании на нестроевую должность делопроизводителя Всероссийского главного штаба⁹.

Поскольку бывший генерал тяготел к архивным исследованиям и военно-исторической работе, после освобождения он служил старшим делопроизводителем отчетно-организационного отдела организационного управления Всероссийского главного штаба (на апрель 1919 г.). До середины 1919 г. ему удавалось заниматься любимым делом, совмещая должность в штабе с работой управляющим Военно-ученым

⁴ Цит. по: *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 138.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 5.

⁶ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (ВАР). *Seменовskii Polk Papers*. Box 5. Самоубийство генерал-майора Владимира Евстафьевича Скалона 12 декабря 1917 года в Брест-Литовске.

⁷ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-28415. Л. 19, 156 об.

⁸ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. М., 1975. С. 139–140.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 7 об.

К.Л. Капнин

архивом¹⁰, но, в конце концов, Зайончковского назначили в район боевых действий. Он попал на Южный фронт, где 2–4 июля 1919 г. занял пост временно исполняющего должность начальника штаба 13-й армии РККА при командарме А.И. Геккере. Первоначально временное назначение в итоге растянулось на месяцы.

Наиболее яркие факты нелояльности Зайончковского связаны с событиями осени 1919 г. на Южном фронте. Известно, что в период решающей для Гражданской войны на Юге Орловско-Кромской операции, когда Добровольческая армия достигла своих максимальных успехов на пути к Москве, бывший генерал решился на опасную авантюру.

14 (1) октября 1919 г. его адъютант, оставшись по приказу Зайончковского в занятом добровольцами Орле, передал белым кожаный саквояж с оперативной документацией и планами командования 13-й советской армии, предупредив, таким образом, штаб I армейского корпуса Добровольческой армии белых о высадке и дальнейших действиях Ударной группы красных в составе Латышской стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества¹¹.

¹⁰ Подробнее см.: Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797–2007. М., 2011.

¹¹ Свидетельства полковника К.Л. Капнина об этом были обнаружены историком Ф.Ю. Ефремовым, а впервые опубликованы нами в: *Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143. Публикацию с дополнениями см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 635–643. Позднее перепечатывались без указания на первую публикацию и без комментариев: Капнин К.Л. Отрывок из воспоминаний*

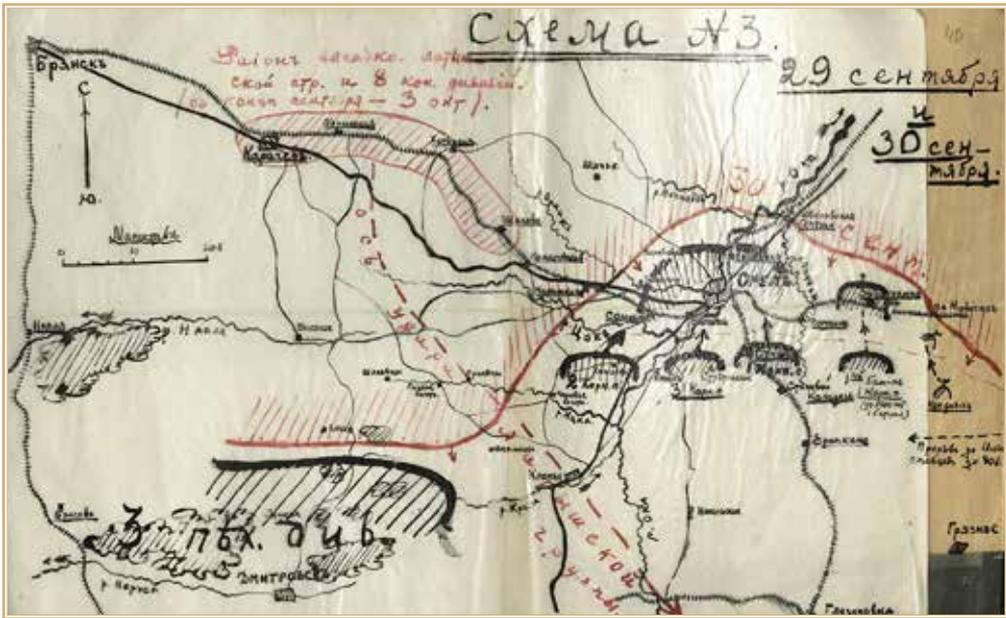

Схема к воспоминаниям К.Л. Капнина. ГА РФ

Начальник штаба Корниловской ударной группы подполковник К.Л. Капнин вспоминал: «Около полудня я вернулся в штаб нашей группы, где дежурный офицер мне доложил, что меня ожидает какой-то красный офицер, имеющий сообщить мне нечто весьма важное.

Приказав немедленно провести его в оперативную комнату, направился туда и сам.

Через несколько минут ко мне вошел небольшого роста молодой человек лет 24, в офицерской шинели мирного образца, но без погон, отрекомендовавшийся личным адъютантом командующего XIII советской армии генерала Зайончковского.

По его словам, ген. Зайончковский, сочувствуя в душе нам, но вынужденный служить в Красной армии, приказал ему остаться при отступлении красных войск в Орле. По занятии же Орла Добровольческой армией явиться в какой-либо наш штаб, где и доложить обстановку, царящую в Красной армии, для ее наилучшего нами использования. В доказательство правдивости своих слов бывший офицер раскрыл большой кожаный саквояж, находившийся у него в руках, подав его мне.

о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 г. / Публ. А.В. Тихомирова // Страницы истории Гражданской войны на Орловщине. Орел, 2010. С. 93–104; Корнилов и корниловцы. Сб. / Сост. В.Ж. Цветков. М., 2025. С. 626–640.

Саквояж был наполнен оперативными документами штаба XIII совет[ской] армии, оперировавшей тогда против нас.

При этом мое внимание адъютант генерала Зайончковского обратил на большую карту 10-верстного масштаба, на которой была детально по дням размечена высадка в районе ст. Шахово–Карачев (см. схему № 3) особой латышской стр[елковой] дивизии и 8[-й] конной дивизии Червонного казачества¹², перевозимых для производства решительного контрудара с иного фронта.

Боевой состав этой ударной группы был очень внушительный, а именно, свыше 12 000 штыков (9 стр[елковых] полков) и 3000 шашек (6 кон[ных] полков)¹³, что, в связи с обученностью и дисциплинированностью этих частей (по словам адъютанта), делало положение наше в Орле очень серьезным.

На карте было отмечено по дням и дальнейшее направление этих частей после высадки для удара в общем направлении Кромы–Малоярославль, то есть на никем не обороняемый 30-верстный прорыв между Корниловской группой и правым флангом 3 пех[отной] дивизии (дроздовцы).

Другая, менее серьезная группа, в которую, между прочим, входила, к счастью для нас, теперь уже почти не существующая 55[-я] стр[елковая] дивизия, должна была наступать также на Малоярославль из района несколько восточнее станции Золотухино.

Таким образом, общий план красного командования был таков: согласованным наступлением вышеупомянутых двух групп окружить и совершенно уничтожить Корниловскую ударную группу, глубоким клином вошедшую в расположение противника¹⁴.

Этим разгромом корниловцев осуществлялся широкий прорыв на Курском направлении, который неминуемо должен был вызвать наше отступление на широком фронте ввиду отсутствия у Добров[ольческой] армии крупных резервов.

¹² Речь идет о Латышской стрелковой дивизии под командованием А.А. Мартусевича (с 20 октября 1919 г. — Ф.К. Калнина) и о 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества под командованием Н.К. Щелокова.

¹³ По другим данным, 9700 штыков и сабель (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 422).

¹⁴ Из доставленных нам документов было видно, что красным известны не только боевой состав нашей группы и вообще частей 1[-й] пех[отной] дивизии, но и фамилии и чины начальников их до командиров полков, а иногда и батальонов включительно (примеч. К.А. Капнина).

Просмотрев беголо и остальные документы, для детального изучения которых надо было нескольких дней, я сделал необходимые выписки и отметил на своей карте все, могущее иметь значение для предстоящих действий корниловцев. После этого приказал немедленно приготовить паровоз и, по докладе командующему группой полковнику Скоблину¹⁵, отправил этого важного перебежчика, со всеми без исключения принесенными им документами, в штаб дивизии под конвоем двух офицеров.

В тот же день вечером означенное лицо, пройдя штаб дивизии, было доставлено в штаб I арм[ейского] корпуса, находившийся в Курске.

Из всего вышеизложенного ясно, что план красных был задуман широко»¹⁶.

По оценке К.А. Капнина, «документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждений самострахования), имели огромную оперативную ценность. Последующие действия красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость»¹⁷. Эти данные косвенно подтверждаются журналом боевых действий 13-й армии, в котором за 14 октября отмечено взятие в плен белыми при отходе красных от Орла командира 3-й бригады 9-й стрелковой дивизии и около 15 сотрудников дивизионного штаба вместе с временно исполнявшим должность начальника штаба¹⁸. Быть может, среди пленных оказался и адъютант начальника штаба армии.

И хотя, если верить истории Корниловского ударного полка, белое командование из показаний пленных военспецов знало о подготовке операции по окружению Корниловской ударной дивизии еще с 2 октября (19 сентября)¹⁹ или даже с 29 (16) сентября²⁰, значение передачи А.М. Зайончковским оперативных документов трудно переоценить. К тому же этот поступок весьма интересен для оценки его личности и поведения в условиях Гражданской войны и возможной победы белых осенью 1919 г.

¹⁵ Николай Владимирович Скоблин (09.06.1894–1938) — полковник (впоследствии — генерал-майор), командующий Корниловской ударной группой.

¹⁶ Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 641–643.

¹⁷ Там же. С. 643.

¹⁸ РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 199. Л. 28.

¹⁹ Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 326; Материалы для истории Корниловского ударного полка. / Отв. сост. М.Н. Левитов / Под ред. Р.Г. Гагкеева. М., 2015. С. 397.

²⁰ Критский М.А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 143.

А.А. Брусилов

В середине 1920-х гг. в переписке офицеров–эмигрантов высказывалось мнение о том, что бывший генерал «вел двуличную политику: и нашим и вашим»²¹. Вдова друга Зайончковского генерала А.А. Брусилова отмечала, что «Андрей Медардович, как и многие другие, впрочем, всегда держал нос по ветру... Я хорошо знала по его дружески почтительным и изысканно внимательным или сухим, холодным приветствиям, как стоят фонды моего мужа во власть имущих сферах того или другого времени»²².

Вероятно, Зайончковский готовил почву для перехода на сторону белых на фоне успехов А.И. Деникина в наступлении на Москву либо же пытался смягчить свою участь в случае победы противника. Интересно, что в годы Первой мировой войны он конфликтовал с А.И. Деникиным²³ и, быть может, теперь опасался последствий. Один из видных деятелей Белого движения, полковник А.А. фон Лампе, записал в дневнике в мае 1920 г.: «Зайончковский готовился быть с нами»²⁴. Впрочем, сложно сказать, располагал ли фон Лампе какими-либо достоверными

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 об.

²² Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления: 1870–1930-е. М., 2017. Т. 2. С. 382.

²³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 371.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-15853. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.

данными. Однако, передав белым важные секретные документы, сам Зайончковский по каким-то причинам остался у красных, что в случае разоблачения истории с саквояжем было равносильно самоубийству.

Штаб Корниловской ударной группы по получении оперативных документов противника разработал план действий по ликвидации возможного глубокого прорыва красных. Было решено экстренно заменить части группы, расположенные в Орле, резервом командующего I армейским корпусом (формировавшиеся 3-й офицерский генерала Маркова пехотный и 3-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полки) и двинуть в наступление части Корниловской ударной группы (1-й и 2-й Корниловские ударные полки общей численностью свыше 4000 штыков (в том числе не менее 20% офицеров и 20% добровольцев) при шести легких артиллерийских батареях и большом количестве пулеметов) в западном направлении. Используя знание намерений и дислокации противника, они должны были разбить его по частям. 3-я пехотная дивизия (дроздовцы) одновременно должна была начать наступление на север.

Однако этот план не был реализован. Резерв командира корпуса оставался в стадии формирования и, по мнению штаба корпуса, не мог быть переброшен на передовую²⁵, а оставление Орла корниловцами произвело бы, по мнению того же штаба, дурное впечатление на войска и общественность. В итоге было принято половинчатое решение, не отвечающее серьезности положения Добровольческой армии на московском направлении, — приказом по 1-й пехотной дивизии от 15 (2) октября 1919 г. Корниловской ударной группе предписывалось частью сил упорно оборонять Орел, а другой частью (2-й Корниловский ударный полк — около 2000 штыков, 40 пулеметов, 8 легких и 4 тяжелых орудия) разбить ударную группу красных.

По мнению К.А. Капнина, такое указание исходило от начальника штаба I армейского корпуса генерал-майора Е.И. Достовалова²⁶. В итоге не была решена ни та ни другая задача: 2-й Корниловский ударный полк в боях 16–18 (3–5) октября понес колоссальные потери (до 60% личного состава), а части Добровольческой армии были вынуждены 20 (7) октября оставить Орел.

²⁵ В действительности уже 20 (7) октября на фронт был вызван 3-й Марковский полк, еще через день полк активно участвовал в боевых действиях (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Париж, 1964. Кн. 2. С. 118).

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 380. Л. 31.

Как впоследствии свидетельствовал главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерал А.И. Деникин, «группировка сил противника не была для нас тайной. Но ввиду отсутствия у нас резервов парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей перегруппировкой войск. Удар с линии Орел–Севск, выведивший противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской армии была более серьезна»²⁷.

Белое командование по разным причинам (в основном из-за отсутствия резервов) не сумело использовать уникальную возможность разбить противника, пользуясь точными данными о его расположении и намерениях. Несмотря на это, сведения, переданные Зайончковским, позволили корниловцам избежать полного уничтожения под Орлом и нанести значительный урон Ударной группе красных, что было признано и в советской историографии²⁸.

Имеются и другие свидетельства о том, что успехи А.И. Деникина привели к заигрываниям некоторых советских работников с белыми или их возможными сторонниками. Близкий к большевистской верхушке Г.А. Соломон вспоминал: «Нечто совсем исключительное началось, когда в Москве стало известно, что продвигавшаяся вперед армия Деникина дошла до Тулы²⁹. Правда, эта паника нарастала исподволь и, собственно, началась, все развиваясь и усиливаясь, с того момента, как Деникиным был взят Орел. Уже тогда предусмотрительные “товарищи” стали приготавливать себе разные паспорта с фальшивыми именами и пр. Уже тогда началось заигрывание с “буржуями”, возобновление старых буржуазных знакомств и отношений...»³⁰

Член РКП(б) М.И. Стасюк был командирован в октябре 1919 г. Зафронтовым бюро ЦК Компартии большевиков Украины в глубокий тыл белых в Екатеринослав. В том же месяце он оказался в Орле и 22 октября составил, видимо, для Особого отдела ВЧК совершенно секретный доклад о происходившем при оставлении красными города и позднее: «Приехал в Орел 12 октября и узнав, что Орел не удастся отстоять от натиска белых, я решил остановиться в городе и ожидать

²⁷ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 645.

²⁸ См., напр.: Дубинский И.В., Шевчук Г.М. Червоное казачество. Киев, 1987. С. 100, 102.

²⁹ На самом деле белые до Тулы не дошли.

³⁰ Соломон Г.А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 192–193.

до его занятия. Случайно нашел кв. на Карачаевской ул., № 45 у Марии Алексеевны Кузиной. В тот же вечер квартирьер штаба 9[-й] дивизии на ту же квартиру поставил 5 сотрудников вышеназванного штаба: 1) Александр Николаевич Беляев (прапорщик империалистической войны), 2) Леонид Васильевич (фамилии не помню) из административной части штаба, поручик той же войны, бывший учитель, 3) Георгий Вячеславович, работавший по артиллерии той же дивизии, прапорщик, 4) бывш[ий] бухгалтер курского казначейства, имя и фамилии не помню, прапорщик, 5) дьякон, мобилизованный Советской властью, имя и фамилию тоже не помню. Все они из гор. Курска. Я представился им как торговец, на что у меня были соответствующие документы, проезжающий на Юг. 14 октября в часа два с половиной дня Орел был занят белыми. Штаб же 9[-й] дивизии снялся за час до занятия города. Вышеуказанные лица оставили квартиру и якобы ушли вместе со штабом, но часа через два они вернулись обратно и стали поздравлять меня и хозяйку с приходом белых. Мы удивленно спрашивали, как это случилось, что они вернулись обратно, тогда как в городе уже белые. Они начали рассказывать, что давно мечтали о переходе на сторону белых, но на пути отступления не приходилось останавливаться в большом городе. Когда они стояли в селе Спасском, между Кромами и Орлом, у некой фельдшерницы, то она дала им письмо на одну квартиру в Орле, вышли из квартиры за подводами во время отступления штаба, свернули в переулок и зашли в подпольную квартиру, где были до занятия города белыми. На другой день они явились коменданту по регистрации — двое из них Леонид Васильевич и Георгий Вячеславович — записались добровольцами в первую офицерскую роту, а второй — [в] морскую артиллер[ийскую] батарею. Остальные же ожидали пропусков на выезд в Курск. В тот же вечер говорили, что из штаба добровольно передались 14 человек, а остальным, видно, не удалось по вине Особого отдела. Того же дня они говорили, что видели проезжающего на извозчике в офицерской шинели и погонах комиссара 9[-й] дивизии [М.С.] Петрашина, но утверждать, что был он, они не могут.

16 октября вечером за чаем Леонид Васильевич рассказывал такой случай. Я сегодня встретил едущего на извозчике в офицерской шинели и погонах комиссара 9[-й] дивизии Петрашина, остановил и хотел его арестовать, но Петрашин предъявил мне документы от деникинской контрразведки, [я] был крайне удивлен и не знал, что ему ответить, тогда он меня спросил: Чему Вы удивляетесь, Вы думаете я один, а бывший

командир 9[-й] дивизии, а начальник штаба XIII армии Заинчковский³¹, они тоже работают от контрразведки, да и много других, ничего такого здесь нет. Прожил я с ними 5 дней, пока их не отправили на фронт, и все чиновники и бывшие офицеры, работающие у нас, по их же словам, работают на пользу Деникина, поскольку этому не может препятствовать Особый отдел, которого они очень боятся. О коммунистах они иначе не говорили, как необходимо всех уничтожить. Они же представили деникинцам список частей, их состав и качество, во время моего совместного с ними жительство у меня были такие минуты, что я думал, что не выдержу, было желание крикнуть: “Вот среди Вас коммунист, вешайте его, кровожадные звери”. После всего слышанного и наступления красных на Орел, я, хотя и получил пропуск до Екатеринослава, но решил остаться не уезжать, а дожждаться прихода красных и доложить Вам и Центральному комитету»³².

В записке того же Стасюка в ЦК РКП(б) произошедшее изложено другими словами: «В первой декаде октября — вернее на второй день после моего устройства в Орле туда прибыл отступающий штаб 9-й дивизии Советской армии³³ и разместился по Карагозовской улице в доме рядом с домом, в котором я занимал комнату. Вечером этого дня в комнате рядом с моей поместилось пять человек работников штаба этой дивизии.

Утром следующего дня наши войска оставили Орел, а в три часа дня в него вступили деникинцы, штаб которых разместился в доме, который занимал штаб нашей 9-й дивизии.

Оказалось, что пять человек штабистов 9-й дивизии Красной армии, ночевавших в комнате рядом с моей комнатой, не ушли с отступающими частями Красной армии, а остались в Орле с целью перехода на сторону Деникина и пришли ночевать в эту же комнату, где ночевали вчера рядом с моей комнатой.

Утром следующего дня хозяйка дома поставила самовар и пригласила на чай их и меня, и в разговоре за чаем они стали рассказывать, что они давно собирались перейти к деникинцам, но на пути наступления не было большого города, а в малых городах или селах такой переход был невозможен, так как за ними строго следил Особый отдел дивизии. Говорили, что скоро Деникин возьмет Москву, что будет

³¹ Так в документе.

³² ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 255–255 об.

³³ Красной армии.

императором, что они обязаны немедленно вступить добровольцами в армию Деникина и тем смыть грязное пятно, нанесенное службой в Красной армии. Рассказывали, как они, будучи командирами в Красной армии, ставили свои части под огонь противника, а орудия наводили так, чтобы они делали перелет или недолет. Все они были из Курска: один бывший учитель — при Керенском поручик, один кассир Курского казначейства, два юриста [—] при Керенском прапорщики и один диакон.

Затем бывший учитель рассказал, как он вчера на одной из улиц Орла встретил комиссара 9-й дивизии Красной армии Петрашевича³⁴ в офицерской шинели с погонами и хотел его задержать, но тот показал ему документ, по которому он работал в Красной армии по заданию деникинской контрразведки и когда я, говорит, удивился, то Петрашевич заявил: “Чему Вы удивляетесь, думаете я такой один, ничего подобного. Командир 9-й дивизии [М.А.] Орлов, начальник штаба 13-й армии Заинчковский³⁵ и много других также работают в Красной армии как агенты деникинской контрразведки”³⁶. Таким образом, большевистское руководство уже осенью 1919 г. могло располагать косвенными данными о возможном сотрудничестве Зайончковского с белыми.

Полученные сведения требовали серьезной проверки. Заведующий Особым отделом 13-й армии В.Д.(?) Фельдман в этой связи распорядился: «Сообщение о Зайончковском проверить точней, указать источник, разработать подробней. Выяснить квартиру Петрашина [в] Орле, остались ли вещи, есть ли родные, таковых арестовать. Ежедневно сообщать [о] результатах работы вообще телеграфом, [в] особо важных случаях курьером. Надеюсь, просить сообщений [в] последний раз»³⁷.

Был выработан совершенно секретный план работы, направленный сотрудникам Юзефовичу и Горбачеву: «1. Явиться в Особый отдел 13[-й] армии тов. Жуковскому, начальнику активной части постараться без ведома председателя выяснить следующее: 1) О распо-

³⁴ Здесь и далее так в документе. Имеется в виду М.С. Петрашин.

³⁵ Так в документе.

³⁶ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1312. Л. 26–27. Выражаю признательность к.и.н. М.А. Ковальчуку, обнаружившему это важное свидетельство и любезно предоставившему его мне для публикации.

³⁷ ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 256.

А.М. Зайончковский в годы Первой мировой войны. 13 мая 1916 г.
Архив И. Мелеховой. Публикуется впервые

ложении штаба 9[-й] дивизии в данное время; 2) По анкетам и спискам проверить состав штаба 9[-й] дивизии до занятия гор[ода] Орла белыми; 3) Список лиц, оставшихся по эвакуации штаба из Орла, их должности, имена и фамилии; 4) Выяснить состав штаба 9[-й] дивизии в данное время, их должности; 5) Если окажется из пяти человек, указанных тов. Стасюком: установить круг их знакомых; 6) Установить и вообще знакомых лиц этих пяти человек, если даже они и не окажутся³⁸; 7) Выяснить, кто был Петрашин [из] штаба 9[-й] дивизии, где находится и круг его знакомых, если окажется, то должность; 8) То же самое о бывшем командире 9[-й] дивизии; 9) Выяснить личность начальника штаба 13[-й] армии Зайончковского, его знакомых и занимаемые ими должности.

2. Для секретных сотрудников: 1) Установить наблюдение за лицами из штаба 13[-й] армии, которые окажутся знакомыми начальника штаба 13[-й] армии Зайончковского; 2) За знакомыми оставшихся лиц из штаба 9[-й] дивизии по эвакуации из г. Орла; 3) Установить имя, отчество и фамилии фельдшер[ицы] в селе Спасском, круг знако-

³⁸ В документе — не окажется.

мых; 4) Осмотреть совершенно секретно квартиры и их жильцов [в] ближайших переулках по Карачаевской ул. от дома № [45] в гор. Орле; 5) Навести справку у гражданки, живущей по Карачаевской ул. в доме № 45 Марии Алексеевны Кузиной: о всех ее квартирантах, живших до занятия Орла белыми и в данное время, о всех привычках их действий, когда дома бывали, кто к ним ходил, к кому они, о разговорах и т.д., расспрашивать совершенно секретно, не выдавая себя, а просто как о старых знакомых, которых я желал бы видеть или под еще каким-либо другим предлогом, что найдется более удобным; 6) Дело вести, не торопясь, тщательно проверяя все сведения и всесторонне информируя каждое сообщение. Так как дело чрезвычайно важное, и ответственность за успех ложится на Вас. После переговоров с тов. Жуковским о зашифрованной телеграмме сообщить о дальнейшем ходе дела»³⁹.

Помимо этого, за Зайончковским следила агентурная часть Особого отдела 13-й армии Южного фронта. 21 октября 1919 г. на него завели дело, обозначенное оперативным псевдонимом «Зеленый». Наблюдение было только наружным и в силу этого абсолютно бессмысленным. Подуграмотные агенты лишь фиксировали расписание дня военспеца и его действия — приехал в штаб, уехал из штаба, вышел с собеседником и т. д.⁴⁰ Всякий раз зачем-то выясняли точный «адрес» наблюдаемого, который и так был прекрасно известен. Поручалось «следит за его квартирой, не бывают ли у него в квартире какие-нибудь зборища»⁴¹.

Часть агентов, насколько можно судить по их донесениям, едва умела читать и писать, не говоря о какой-либо профессиональной квалификации. У них не было напарников, чтобы следить за собеседниками Зайончковского. Не устанавливались ни контакты начальника штаба, ни маршруты его перемещений, не фиксировались разговоры. Не были они обеспечены и какими-либо техническими средствами (например, чтобы проследить, куда уехал наблюдаемый на автомобиле или на извозчике). Логичнее и эффективнее было бы, к примеру, завербовать шофера Зайончковского, но этого сделано не было. Следившие за военспецом агенты порой не имели даже теплой одежды и обуви. Например, 7 ноября 1919 г. сотрудник Балычев пожаловался в рапорте: «Из-за

³⁹ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 257.

⁴⁰ См. Приложение.

⁴¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 185.

сапог, в виду того, что я хожу босой, продолжать работу не могу»⁴². Не приходится удивляться, что подобное «наблюдение» пропустило факт передачи Зайончковским целого чемодана оперативных документов белым в октябре 1919 г. (донесений агентов за те дни обнаружить не удалось, но очевидно, что в случае разоблачения изменник был бы незамедлительно арестован).

Материалы наблюдения сохранили словесный портрет военспеца, позволяющий составить представление и о тех, кто следил за бывшим генералом: «Само собой он старый, годов около сорока. Ходит он в кожаном френче, брюки зеленые с красными кантами, в штеблетах⁴³ и солдатской фуражке. Черты лица следующие: светлые [волосы?] и совсем сбритая голова, маленькие усы и длинный, прямо высокий ростом» (из донесения сотрудницы Шведовой за 28 октября 1919 г.)⁴⁴. На самом деле бывшему генералу тогда было пятьдесят шесть лет.

Служка была прекращена в начале 1920 г. (в деле сохранились донесения агентов с июля 1919 г.) в связи с оставлением Зайончковским должности начальника штаба армии, но предполагалось «в случае возвращения — поручить наблюдение осведомителям. Наружное наблюдение совершенно бесполезно»⁴⁵. Возобновить наблюдение в таком случае поручалось начальнику информации Особого отдела 13-й армии⁴⁶.

11 февраля 1920 г. начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин ходатайствовал об отозвании Зайончковского из 13-й армии, «так как сложившаяся в 13[-й] армии служебная атмосфера не дает ему возможности продуктивно работать»⁴⁷. Что имел в виду Н.Н. Петин, неизвестно. 26 февраля 1920 г. Зайончковский действительно был отозван в распоряжение начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР), при котором состоял для особых поручений. По свидетельству видного советского военного деятеля Р.П. Эйдемана, Зайончковский оставил фронт, «окончательно расшатав свое здоровье»⁴⁸. На ухудшение здоровья мог влиять и тот риск, которому подвергался доброволь-

⁴² Там же. Л. 186.

⁴³ Орфография документа.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 168.

⁴⁵ Там же. Л. 160.

⁴⁶ Там же. Л. 163.

⁴⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 372.

⁴⁸ *Эйдеман Р.П.* Венок на могилу // Красная Нива. 1926. № 14. 04.04. Страница не номерована.

Генерал А.Е. Гутор (в центре, с орденом Св. Георгия 3-й ст. на шее)
 на Юго-Западном фронте. 1917 г. Бахметевский архив Колумбийского университета.
Публикуется впервые

ный помощник белых, занимавший столь высокий пост в РККА, но это только предположение.

Затем, в мае 1920 г., бывший генерал вошел в состав Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики. Совещание представляло собой консультативный совет при главнокомандующем, занимавшийся обсуждением вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период Советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством друга Зайончковского А.А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвижения лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров русской армии.

Особое совещание прославилось почти исключительно своим воззванием к ним с призывом вступать в Красную армию для защиты страны от польского наступления. Этот документ был опубликован в «Правде» и в «Известиях» 30 мая 1920 г. и сыграл важную роль в привлечении колебавшейся части офицерства в Красную армию. Подписав-

шие воззвание, а в их числе и Зайончковский, стали символом старых генералов-патриотов, перешедших на сторону Красной армии. В этом качестве их имена использовались советской пропагандой.

В своих воспоминаниях председатель Особого совещания А.А. Брусилов отметил, что «в ближайшее же время после открытия Особого совещания с “генералами” их стали арестовывать. Зайончковский и Гутор были первыми арестованы, но не надолго. Их скоро выпустили»⁴⁹. По-видимому, подразумевался не тот арест Зайончковского, о котором пойдет речь далее, а какой-то предыдущий эпизод. Во всяком случае, в опросном листе Московского политического Красного Креста в июле 1921 г. супруга Зайончковского указала, что муж ранее арестовывался дважды и оба раза был оправдан, «причем второй раз дела никуда не передавали»⁵⁰. О двух предыдущих арестах она упомянула и в обращении в ВЧК 25 ноября 1921 г.: «При двух первых арестах было конфисковано все серебро и драгоценности»⁵¹. По-видимому, второй арест был кратковременным и, вероятно, произошел в июне 1920 г. Правда, ни в деле Зайончковского, ни в других его анкетах сведений об этом обнаружить не удалось. Возможно, кратковременный арест, упоминавшийся его супругой и А.А. Брусиловым, был связан с антипольскими настроениями в руководстве РКП(б), однако это лишь предположение. Помимо Зайончковского тогда были арестованы еще, по крайней мере, двое членов Особого совещания — А.Е. Гутор (22 августа 1920 г.) и В.Н. Клембовский (30 июня 1920 г.)⁵². Последний также носил польскую фамилию.

В связи с переходом Зайончковского на службу в Особое совещание дело подозрительного военспеца еще в июне 1920 г. предполагалось передать в Особый отдел ВЧК. Передача состоялась лишь в середине августа 1920 г. «ввиду того, что Зайончковский по слухам находится в штабе ВОХРа или Всероглавштабе»⁵³. Материалы прежней слежки были объединены с другими сведениями о нем и в дальнейшем стали собираться уже в Москве.

⁴⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 277.

⁵⁰ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229.

⁵¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 136 об.

⁵² Подробнее см.: Ганин А.В. Аресты членов Особого совещания при главкомандующем в документах Московского Политического Красного Креста // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 64–71.

⁵³ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 160. Также см. л. 162.

Масла в огонь подлил арест ранее перебежавшего к белым, а затем попавшего опять к красным комиссара 9-й стрелковой дивизии и штаба 13-й армии М.С. Петрашина, который был дружен с А.М. Зайончковским и писал ему из тюрьмы. Напомним, что белым в Орле М.С. Петрашин хвастливо заявлял, что А.М. Зайончковский тоже с ними⁵⁴. Что именно он сообщил после своего ареста красными, неизвестно, но сомнений в лояльности бывшего генерала заметно прибавилось.

26 августа 1920 г. начальнику оперативного отдела Особого отдела ВЧК поступило сообщение: «Основываясь на материалах, присланных из ОО⁵⁵ 13-й армии и совместной службе⁵⁶ ныне арестованного и изобличенного в службе в контрразведке у белых комиссара штаба 13-й армии Петрашина, видно, что быв[ший] начальник штаба 13-й армии, быв[ший] полковник⁵⁷ Зиончковский⁵⁸ — в высшей степени подозрительная личность. Добавляю, мною в свое время было заявлено т. [В.Н.] Манцеву — председ[ателю] У[краинской] ЧК, что от штаба Врангеля в апреле с. г. выехал офицер с крупной суммой денег и, по сведениям, направлялся к офицеру Генштаба Зиончковскому.

В настоящее время Зиончковский состоит членом Особого военного совещания.

Принимая во внимание все вышесказанное и занимаемый Зиончковским ответственный пост:

необходимо:

- 1) срочно агентурной части установить тщательное наблюдение за Зиончковским;
- 2) Осведомительному отделению приобрести осведомителя в Особом военном совещании;
- 3) Затребовать все материалы и самого Петрашина из ОО 13-й армии»⁵⁹.

На одном из экземпляров документа имелась резолюция: «Завести дело и положить в папку разных»⁶⁰. На другом — резолюция «Тов.

⁵⁴ Там же. Л. 37, 217, 255–255 об., 286 об.

⁵⁵ Особого отдела.

⁵⁶ В документе несогласованно — совместную службу.

⁵⁷ Так в документе. Правильно — генерал.

⁵⁸ Так в документе.

⁵⁹ ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 13, 217.

⁶⁰ Там же. Л. 13.

Поллю [?]. Собрать материал о Зайончк[овском] 2) Установить наблюдение; 3) Взять и прислать дело Петрашина и Гонделя (послед[нее] у Фельдмана)»⁶¹.

В документе речь шла о военспеце, бывшем генерале В.К. Гонделе, командовавшем 3-й стрелковой дивизией 13-й армии в период службы там Зайончковского, а также занимавшем пост помощника командующего армией. В.К. Гондель был арестован в июле 1920 г. по обвинению в сдаче противнику в октябре 1919 г. под Орлом бронепоезда «Стенька Разин», но через несколько дней освобожден под подписку о невыезде. В материалах по его делу утверждалось, что В.К. Гондель и А.М. Зайончковский «отлично понимали друг друга и действовали с заранее обдуманым намерением»⁶². Кроме того, они чинили препятствия помощнику командарма бывшему генералу А.В. Станкевичу (в октябре 1919 г. он попал в плен к белым и был повешен, впоследствии похоронен в Москве, у Кремлевской стены⁶³).

Этими сигналами дело не ограничилось. Особым отделом Кавказского фронта в июле 1920 г. был арестован явившийся от белых помощник начальника разведывательного отделения флота белых (по другим данным, московского штаба белых) поручик Б.А. Зерен, заявивший, что он является представителем демократической части белого офицерства, а также врангелевским парламентарем и от лица крымского правительства уполномочен вступить в нелегальные переговоры с красным командованием об условиях перемирия и мира⁶⁴. Б.А. Зерен, по его словам, имел полномочия от начальника штаба П.Н. Врангеля генерала П.Н. Шатилова, при котором состоял для поручений.

Сообщенные Б.А. Зереном сведения, в основном, касались флота, но среди прочего им были переданы компрометирующие А.М. Зайончковского данные, позднее послужившие основанием для ареста последнего. 27 августа 1920 г. эти данные поступили в Особый отдел ВЧК из Особого отдела Кавказского фронта. Б.А. Зерен сообщил, что «член Верховного военного совещания»⁶⁵ Генерального штаба А.М. Зайонч-

⁶¹ Там же. Л. 217.

⁶² Там же. Л. 286.

⁶³ *Абрамов А.С.* У Кремлевской стены. М., 1978. С. 117–118.

⁶⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 19–20; *Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы.* М., 1998. Т. 1: так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. С. 81, 145–158.

⁶⁵ Правильно — Особого совещания.

ковский в бытность наштармом 13⁶⁶ в зимнюю кампанию на Крымском фронте рядом маневров облегчал ген. [Я.А.] Слащеву оборону Крыма. Им умышленно принимались благоприятные перегруппировки, после ряда наших подготовительных маневров давшие возможность успешно проводить операции. У Зайончковского была связь с наштабом⁶⁷ корпуса Генштаба полковником⁶⁸ [Г.А.] Дубяго (Врангеля).

Основания: Секретн[ая] развед[ывательная] сводка ш[та]ба 3[-го] корпуса, шифров[анные] радио наштаглава⁶⁹ ген. [И.П.] Романовского ген. Слащеву — ни в коем случае не терять связи и закрепить ее с лицами, указанными в сводке.

Показание объяснительное: Я служил тогда в штабе команд[ующего] флотом, а радио шли через судовые радиостанции. Я лично ее расшифровал и передавал по проводу. Команд[ующему] флотом в январе говорил об этом ген. Слащев. Мне об этом сообщал нач[альник] штаба [командующего] флотом Буднов⁷⁰. Лично мне в апреле месяце говорил нач[альник] развед[ывательного] от[деле-ния] корпуса Слащева Генштаба капитан [В.Н.] Александрович. В конце мая от пом[ощника] главкома ген. Шатилова слышал, что к Зайончковскому, доказавшему свои симпатии нашему делу, будет послан ряд агентов, через Зайончковского будет пытаться войти в связь с красным комсоставом»⁷¹.

По той же информации «на смену полк[овнику В.Д.] Хартуляри⁷² в Москву выехал полковник Генштаба [В.С.?] Махров с задачей создать и наладить резиденцию [резидентуру] в Москве. Он же обязан войти в связь с Зайончковским. С Махровым выехала женщина. У Махрова в Москве невеста и в Красной армии брат. Выехал он через Англию, а потом через Финляндию или Эстляндию»⁷³.

Данные были очень серьезными и, похоже, достоверными (у В.С. Махрова в РККА действительно служил родной брат Н.С. Махров), но намерения Б.А. Зерена вызвали сомнения чекистов. Еще в мае

⁶⁶ Начальником штаба 13-й армии.

⁶⁷ Начальником штаба.

⁶⁸ В документе несогласованно — полковника.

⁶⁹ Начальника штаба главнокомандующего.

⁷⁰ Правильно — Бубнов. Александр Дмитриевич Бубнов (29.05.1883–02.02.1963) — контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота (1919–1920).

⁷¹ ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 7.

⁷² Правильно — Хартуляри.

⁷³ ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 7.

1920 г. он побывал в Особом отделе 9-й Кубанской армии и у ее командующего, где выяснял отношение красных к белому офицерству, причем был затем отпущен⁷⁴. В дальнейшем Б.А. Зерен был завербован ВЧК и направлен с разведзаданием в Крым под псевдонимом «С. Валентинов»⁷⁵. Операция получила наименование разработка «Терек», причем сведения о ней докладывались лично В.И. Ленину, но никаких результатов эта разработка не дала.

На следующий день после первого сообщения были переданы подробности: «Чем выражалась поддержка Зайончковским штаба ген. Слащева.

1) После перегруппировки войск ген. Слащева, концентрирования [на] определенном участке для наставления⁷⁶ Зайончковским производилась перегруппировка красных войск с расчетом ослабить предполагавшийся для удара участок. Однажды таким образом была облегчена [задача] войск Слащева на Сальковско-Сивашском участке, несмотря на двухдневную подготовку Зайончковского, был усилен Перекопский участок. Эти соображения лично высказал ген. Слащев на секретном заседании во дворце ком[андующего] флотом. Я об этом узнал от флот-капитана⁷⁷ операт[ивной] части штаба флота капитана 1 ранга [М.Н.] Родионова. Об этом было указано [в] секретной разведсводке штаба корпуса Слащева. 2) Неоднократно красные войска пытались форсировать Сиваш или использовав броды или пользуясь замерзанием озера. Операция должна носить характер внезапности, всегда заблаговременно [в] местах формирования появлялись крупные разведывательные партии, уже в присутствии которых давало возможность быть предупредительными⁷⁸. Для операции выбирались броды, ставившие войска красных под фланговой удар частей, находящихся [на] Перекопском перешейке (со слов ген. Слащева на том же совещании). 3) Части 8[-й] красной червонной кавалер[ийской] дивизии умышленно были раздроблены по участкам. Это давало возможность незначительной конной группе полковника Морозова всегда иметь перевес над сов[етскими] войсками. Это раздробление якобы сделано

⁷⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 32.

⁷⁵ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 337.

⁷⁶ Видимо, наступления.

⁷⁷ Видимо, флаг-капитана.

⁷⁸ Так в документе. Видимо, предупрежденными.

под непосредственным влиянием полк[овника] Дубяго, который об этом просил агента⁷⁹ Зайончковского»⁸⁰.

После этого слежка за Зайончковским возобновилась. Поручение собрать сведения о нем было дано оперативному отделу Особого отдела ВЧК 31 августа 1920 г.⁸¹ 3 сентября Г.Г. Ягода поручил следователю В.И. Плятту (ранее — члену Революционного военного совета (РВС) 13-й армии) взяться за «немедленную разработку и установку»⁸².

Материалы нового наблюдения сохранили еще один словесный портрет бывшего генерала: «Приметы: Лет 40⁸³. Высокого роста, сутуловат, волосы острижены под машинку, на передней части головы большая лысина, лицо продолговатое, нос прямой, глаза голубые, седые усы, голос немного грубы[й], хриповатый, при походке широко расставляет ноги, при чтении одевает очки.

Одет: без фуражки, офицерский мундир защитного цвета со светлыми пуговицами, карманы и рукава обшиты галунами светло-голубого цвета, синие брюки, темные ботинки с острыми носками»⁸⁴.

На этот раз особисты устанавливали всех жильцов тех квартир, которые посещал наблюдаемый, и выясняли маршруты следования его автомобиля⁸⁵. Привлекались материалы наблюдений за знакомыми А.М. Зайончковского, в частности, в дело была добавлена запись прослушки телефона бывшего генерала А.А. Брусилова за 22 октября 1920 г., когда беседовали супруги Брусилова и, видимо, Зайончковского⁸⁶.

Кроме того, из Особого отдела Кавказского фронта был затребован поручик Б.А. Зерен со всеми материалами⁸⁷. Чекисты наводили справки об упоминаемых им морских офицерах. По-видимому, разработка А.М. Зайончковского ничего нового не дала и, в конце концов, было решено его арестовать.

18 октября 1920 г. сотруднику МЧК Зайцеву был выдан ордер на арест А.М. Зайончковского у него на квартире по адресу Солянка, д. 1,

⁷⁹ В другом варианте — ген. (ЦА ФСБ. Д, Р-28415. Л. 223).

⁸⁰ Там же. Л. 9.

⁸¹ Там же. Л. 189.

⁸² Там же. Л. 224.

⁸³ На самом деле — 57.

⁸⁴ ЦА ФСБ. Д, Р-28415. Л. 192.

⁸⁵ Там же. Л. 193, 209, 213.

⁸⁶ Там же. Л. 226.

⁸⁷ Там же. Л. 216.

кв. 32⁸⁸. Арест произошел 19 октября 1920 г., вскоре после завершения боевых действий Советско–польской войны. Зайончковский обвинялся в содействии белым армиям в бытность начальником штаба 13-й армии на Юге России. При обыске изъяли переписку, обручальное кольцо, золотой браслет и 3500 руб.⁸⁹ Самого арестованного поместили во внутреннюю тюрьму ВЧК⁹⁰.

23 октября Зайончковский дал свои объяснения В.И. Плятту: «Насколько я понял из Ваших нескольких слов при аресте, я арестован ввиду захваченной у белых переписки, по которой меня можно подозревать: 1) в нелегальном моем поведении в бытность начальником штаба 13[-й] армии, основанных на донесениях неизвестного мне белого генерала, 2) в попытке некоего Шатилова войти со мной в связь и 3) в том, что на меня рассчитывают берлинские монархические круги. Я категорически Вам заявляю, что как эти сведения, так и всякие другие, если они поступили, порочащие меня как честного человека и честного советского служащего, есть ложь и злостная или невольная провокация со стороны белых. Но прежде, чем перейти к делу, я постараюсь выяснить еще одну неточность. Вы сказали, что знали, что я не могу сочувственно относиться к пролетарской власти. Да, я генерал от инфантерии, но детство, отрочество и юность я провел пролетарием может быть больше, чем многие из Вас. Сын бедного телеграфного чиновника⁹¹, у которого на шее было 5 человек детей, я единственное лакомство видал из рук курьера и работника. Из-за этого же пролетариата отец принужден был взять меня из классической гимназии и пустить в военную. Здесь мои способности, энергия, трудоспособность и уязвленное в молодости самолюбие позволили мне достигнуть высших степеней и командовать теми, родители которых унижали моего отца и меня. Вот причины враждебного отношения ко мне всего двора Николая II, а [в?] испытаниях моей молодости причины любви ко мне всех моих подчиненных и той “симпатичности в работе”, которую и Вы, по Вашим словам, заметили у меня в 13[-й] армии. Перехожу к фактам:

⁸⁸ Там же. Л. 16.

⁸⁹ Там же. Л. 2–4.

⁹⁰ Там же. Л. 1.

⁹¹ С учетом обстоятельств А.М. Зайончковский несколько лукавил, поскольку в действительности происходил из потомственных дворян Орловской губернии. Его отец Медард-Ишполит Андреевич был выходцем из польской шляхты и выслужил чин действительного статского советника (4-й класс «Табели о рангах»).

Я хотел бросить службу еще в 1914 г., но война задержала мой выход в отставку до мая 1917 г. Может быть, в виду войны я остался бы дальше, но назначение наштаверхом⁹² Деникина, моего личного врага, заставило меня немедленно уйти. О вражде моей с Деникиным может подтвердить т. Брусилов, если он не забыл, и следственное дело о моем аресте в марте — апреле 1918 г., т.к. тогда на допросе т. Плутаров (если не ошибаюсь в фамилии) мне прямо сказал: «О Ваших отношениях к [М.В.] Алексееву, [А.И.] Деникину и [Л.Г.] Корнилову я спрашивать Вас не буду. Достаточно прочесть Вашу служебную переписку, чтобы убедиться, что Вы общего с ними ничего иметь не можете». Может это подтвердить и т. [Ф.М.] Афанасьев, начальник штаба Сибири, служивший у меня в штабе 30 корпуса. Эта первая данная, которая дает основание полагать, что я вести работу, да еще под[польную?] для прекрасных глаз Деникина не буду. Но, может быть, идея заставила меня превозмочь злобу к Деникину и работать для идеи. Но в таком случае я еще в 1917 году стал бы в ряды гучковцев, керенцев или корниловцев и принимал бы активное участие в делах. Но, не выезжая из Москвы, легко доказать, что я совершенно отказался в это уже время от всякой служебной деятельности и посвятил себя исключительно писанию в газетах статей военного содержания.

В начале я не сочувственно относился к Советскому правительству, но не с политической, а с “обывательской” точки зрения в особенности под впечатлением двух произведенных у меня обысков. Все сказанное я могу подтвердить фактами, которые здесь для сокращения упускаю. Т[аким] об[разом] ни мое детство, ни потеря каких-либо привилегий, которых у меня, кроме орденов, при старом режиме никаких не было, ни все дальнейшее поведение не дают оснований видеть во мне классового или идейного врага, а просто человека [мо]рального. Этим можно объяснить, что мне легко было в 13[-й] армии сразу освоиться с работой среди коммунистов и со многими из них ([Г.Л.] Пятаков, [А.И.] Геккер, [И.В.] Косиор, Грибанов, Медведев и др.) подружиться, но коммунисты полюбили меня и поверили мне. Подтверждением этого может служить торжественное собрание комъячейки 13[-й] армии по случаю моего отъезда и речь комиссара т. [И.С.] Кизильштейна, который, кажется, теперь в Москве.

В начале советского правления я служить не хотел, как не служил при [А.И.] Гучкове и [А.Ф.] Керенском, но доброе ко мне отношение

⁹² Начальник штаба Верховного главнокомандующего.

т. [Д.Б.] Рязанова заставило меня принять его предложение служить в подведомственных ему архивах. В январе 1919 г. была объявлена мобилизация генералов; имея полную возможность в виду моих болезней быть освобожденным от службы, я не уклонился от исполнения своего долга и был мобилизован. Правда, я всеми силами старался занять маленькое место, но это не из саботажа, а из боязни, чтобы моя фамилия, известная в военной среде, не сплела бы около моего имени какой-нибудь авантюры. В июне 1919 г. меня в несколько часов отправили на фронт. В Козлове я лично просил т. [А.И.] Окулова (начальник административного управления Юго-Западного фронта⁹³) дать мне какое-нибудь маленькое место и в тылу. Если бы я хотел работать для белых, то я рвался бы к большим местам⁹⁴. И это тоже по вышеприведенным соображениям. Меня назначили начальником штаба 14[-й] армии. Когда я представлялся т. [Л.Д.] Троцкому, я доложил ему все неудобство назначать меня на Южный фронт в виду вышеприведенных данных, но я все-таки был первоначально на 1 месяц, а пробыл 8 месяцев, назначен начальником штаба 13[-й] армии. Я просил т. Троцкого установить со мною самый суровый контракт, но только обезопасить меня от беспричинных арестов и подозрений. Я дал тов. Троцкому слово честно исполнить свой долг и считаю, что я свято исполнил свое слово.

С первого дня приезда в 13[-ю] армию и до отъезда я свою жизнь и работу поставил в такие рамки, чтобы они были бы видны для всех, а именно: 1) я ни одной минуты не оставался один и даже на квартире у себя держал нескольких сотрудников и между ними старался иметь коммуниста; 2) я никого из посторонних у себя на квартире не принимал и никаких дел никогда из служебного кабинета не выносил; 3) ключи от письменного стола всегда были у дежурного секретаря; 4) принимал только в служебном кабинете и в чем-либо присутствии; 5) о каждом своем шаге говорил члену РВС тов. Пятакову и даже если меня кто пригласит обедать, так и то ездил с комиссаром. Об этом не только могут подтвердить Особые отделы армии, которые, разумеется, за мной следили, но и т. Пятаков, который в таком моем поведении видал утрировку. К этому я должен прибавить, что я ни одного из своих сотрудников в штаб не привез, а работал исклю-

⁹³ Ошибка памяти. Юго-Западного фронта тогда еще не существовало, речь идет о Южном фронте.

⁹⁴ Аргумент представляется сомнительным. А.М. Зайончковский, скорее всего, не хотел служить в РККА и участвовать в Гражданской войне.

чительно с теми, которых там застал. При таких условиях даже ежели заподозрить у меня искусство, фокуснику подобное, я не имел никакой возможности сноситься с белыми. И даже я уверен, что т. Магидов, н[ачальни]к контрразведки 13[-й] армии, опытный революционер и талантливый знаток своего дела, выкажет Вам полную уверенность, что от штаба 13[-й] армии деникинцы никаких сведений не имели. Это подтверждают и факты — иначе они так позорно не были бы разбиты под Орлом и Курском и не докатились бы до берегов Азовского моря, а это было в то время, когда т. Геккер был командующим победоносной армии, а я — его начальником штаба. Неуспехи 13[-й] армии начались после того, как Геккер и я ее покинули.

Но, может быть, я, не имея возможности помогать Деникину доставлением сведений, старался другими способами помочь — саботировал работу или путал операции?

Относительно моей работы в штабе не мне говорить. Но мой командарм т. Геккер (коммунист), все члены РВС т.т. [А.П.] Розенгольц, Пятаков, Косиор и [С.Р.] Богатин, все комиссары т.т. Грибанов, Кизильштейн и Советников, наконец, все коммунисты армии единогласно, я уверен, подтвердят, что я в течение всех 8 месяцев как вол работал в штабе один, имея отдыха не более 6 час. в сутки, проявлял инициативу, служил исполнительным органом для всего РВС. Этим моим отношением к работе объясняются настойчивые вызовы меня на фронт вновь и т. Геккер, что могут подтвердить т. [Э.М.] Склянский и т. [М.Н.] Тухачевский, что видно из взятой у меня Вами при обыске телеграммы. Да и теперь, несмотря на мою маленькую должность, я беру на себя массу работы по будущему строительству армии, что Вам подтвердят и мое начальство, и политические деятели. Сознаться, что так скрытые слуги Деникина не делают.

Перехожу к боевым операциям. Все время у меня командармом был т. Геккер — академик, человек талантливый, заслуженный, коммунист, и при таком командарме начальник штаба, разумеется, не мог преступно путать операции в пользу белых. И я уверен, что т. Геккер с негодованием опровергнет все обвинение меня в нехороших действиях. 13-я армия во время моего пребывания в ней имела три неудачи (Белгород, Курск и Орел) и массу побед от Орла до Перекопа. Неудача под Белгородом была следствием того, что фронт решил нанести удар на Купянск, а не на Белгород. Временно исполняющий должность командарм т. Гондель и т. Пятаков могут засвидетельствовать, что я сознавал делаемую ошибку, кричал о необходимости удара на Белгород много дней. Когда нас не по-

Группа командиров РККА. 1926 г. В центре с тростью сидит А.М. Зайончковский, крайний справа — Н.Е. Какурин, второй слева — М.С. Свечников.
Частная коллекция. Публикуется впервые

слушали, то штаб армии при наступлении к Купянску сам эшелонировал войска так, чтобы обезвредить удар белых от Белгорода, я при свидании с начдивом 9 на ст. Ржава в присутствии т.т. Гонделя и Пятакова указывал на опасность со стороны Белгорода, требовал от него активности, чтобы белые обрушились всеми силами на 42[-ю] див[изию]. И только такими мерами моей инициативы 42[-я] дивизия при своем наступлении на Купянск избежала катастрофы, а только потерпела неудачу. Надо полагать, что здесь я не играл в руку белым.

При свидании в Курске с комендантом Курского укрепрайона т. Свешниковым⁹⁵ я в присутствии т.т. Гонделя, Пятакова и Серебрякова в очень горячем споре доказывал неправильный взгляд Свечникова на оборону Курска, за что даже получил дружеский выговор от т. Пятакова и предсказывал, что при взглядах Свечникова Курск не продержится больше суток. Меня тогда не послушали, но история меня оправдала.

⁹⁵ Правильно — Свечниковым.

Курск продержался только 5 час., но никто не скажет, чтобы я здесь моим предупреждением не исполнил честно своего долга перед советской властью. Падение Орла было прямым следствием падения Курска.

После Орла в 13[-й] армии начинаются сплошные победы и всю честь их, разумеется, следует приписать не мне, а т. Геккер и РВС, но и моей инициативной работы здесь было много, о чем подтвердят и т. Геккер, и т. Розенгольц. Мы вместе с ним не спали по ночам, устраивая армию; я сидел на прямом проводу, направляя дивизии, я в мелочах наметил и проводил в разговорах с начдивом 3 его блестящую операцию по взятию Курска, я отмечал все погрешности остальных начдивов и докладывал о них командарму. Так неужели же после этого можно сказать, что я бесчестно работал в Красной армии и тянул руку Деникина? Тов. Геккер предлагал мне представить меня за мою работу в 13[-й] армии, так много содействовавшую ее успехам, к ордену Красного Знамени, я от этого отказался⁹⁶. А теперь я за эту же работу сижу в тюрьме. Ведь это фатальное недоразумение, которое в видах справедливости требует полного разъяснения. Ведь все то, что я изложил, может быть подтверждено архивными материалами и показаниями свидетелей-коммунистов. Не я только, а самые факты свидетельствуют, что я честно служил Красной армии.

Второй пункт обвинения это, что один из белых генералов что-то обо мне написал. Если этот генерал не командовал войсками в Ливнах, то я категорически свидетельствую, что все там написанное есть наглая ложь. Если же он почерпнул эти сведения в Ливнах, то я могу себе объяснить их следующим образом, предупреждая, что мне неизвестно, что он писал:

В Ливнах я жил в квартире старухи-француженки, учительницы, г[раждан]ки Рустан. От нее я слышал о большом сочувствии ко мне ливенских обитателей, как к мобилизованному старику, оторванному от семьи и загруженному непосильной работой. По занятии белыми Ливен в этой же квартире жил старший начальник белых, собиравший каждый день на кутеж ливенскую буржуазию. Эти подробности я узнал от г[ражданки] Рустан недавно в Москве, выдавши ее несколько минут. В то время только что был повешен белыми Станкевич, обитатели верили в полную победу белых и, вероятно, желая меня спасти от грядущей мне по примеру Станкевича виселицы, гово-

⁹⁶ Поступок, логичный для человека, не стремившегося выслужиться перед красными и опасавшегося ответственности за подобную службу в случае победы белых.

рили во время кутежей генералу разные про меня глупости. Об этом я могу судить по следующим словам г[раждан]ки Рустан, сказанным мне в Москве: «Мы в Ливнах сделали все возможное, чтобы спасти Вас от смерти у белых». Я тогда не придавал значения словам г[ражданки] Рустан и не имел времени спросить у нее о подробностях, но теперь склонен думать, что не эти ли старания ливенцев послужили предлогом к провокации белых, которую, я надеюсь, мне удастся в полной мере опровергнуть. Таково мое предварительное показание, которое я изложил до допроса, чтобы облегчить этот последний»⁹⁷. Все эти на первый взгляд убедительные доводы бывшего генерала в свою защиту опровергались одним фактом передачи оперативных документов белым в октябре 1919 г.

27 октября 1920 г. работники Особого отдела ВЧК вновь допросили 58-летнего бывшего генерала. О своих взглядах он сообщил: «К партиям не принадлежал и не принадлежу», «За последний год полный сторонник советской власти и вполне убежденный в пользе ее сохранения»⁹⁸. Такое заявление можно трактовать и как проговорку, что ранее он не был полным сторонником власти. Впрочем, допрос того дня, видимо, включал лишь заполнение анкеты.

Удивительно, что следствие велось столь неспешным образом с допросами раз в месяц. Более предметным был допрос 18 ноября 1920 г. особоуполномоченным Особого отдела ВЧК Я.С. Аграновым. А.М. Зайончковский дал показания о своих контактах с антибольшевистскими организациями, разумеется, умолчав о своей реальной попытке помочь белым осенью 1919 г. Он сообщал:

«На заданные мне вопросы отвечаю:

1. В декабре или в ноябре 1917 г. ко мне приезжал какой-то офицер от ген. Алексева и просил поехать на Дон. Я категорически отказался, и после этого сношений с белыми никаких не имел.

2. В период апреля — июня 1919 г. бывший полковник Генштаба Иванов (Борис Михайлович)⁹⁹ действительно говорил мне о существо-

⁹⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 15–18.

⁹⁸ Там же. Л. 19.

⁹⁹ В деле имеется справка на этого офицера: «Активный член объединенной офицерской организации, при штабе для поручен[ий], собирался перейти на службу в Ханскую ставку, которая потом перешла на сторону белых. Иванов заключен в лагерь до конца Граж[данской] войны» (Там же. Л. 46). *Борис Михайлович Иванов* (18.01.1882–?) — бывший полковник, военный специалист РККА. На 1920–1921 гг. находился под арестом. Исключен из списков РККА в 1924 г.

вании какой-то организации в Москве, предлагал ли он мне войти в эту организацию, я не помню, но помню, что я в разговоре ему определенно указал, что я никакого участия в делах против советской власти принимать не буду. Насколько помню, действительно Иванов высказал желание, отправляясь в Башкирию, перейти к Колчаку, и это было в казначействе, где было несколько сотрудников. Была ли предлагаемая организация Национальный центр или другая, он мне не сказал. В июне 1919 г. я уехал на фронт и с тех пор я его не видал и где он, не знаю.

3. Никаких сношений с белыми ни на фронте, ни здесь, а также с контрреволюционными организациями я не имел. За все это время я видел только четырех бывших офицеров, взятых в плен и мне раньше знакомых, а именно: Столица Сергей Константинович — с колчаковского фронта, отбыл срок в ВЧК и теперь, кажется, служит в[о] Всеобуче; Сахновский (имя, отчества не знаю) — тоже и в августе находился в школе (Арбат, Прага¹⁰⁰), Кокурин Евгений Николаевич¹⁰¹ (из Галицийской армии) сидел в Особом отделе и теперь на Западном фронте (кажется, командует 3-й армией¹⁰²).

С первыми двумя никаких разговоров на политические темы не было, а Какурину я высказывал свой взгляд на необходимость всеми силами поддерживать Советскую власть, высказал сожаление, что моя старость не дает мне возможности служить в строю против поляков. Четвертый офицер, Волошинов Георгий Федорович, из армии Деникина. Он ехал с Кавказского фронта на Западный, был у меня. Говорил, что [А.П.] Кутепов смеялся надо мной, что вначале наша армия (в августе месяце 1919 г.) так плохо действовала, что он меня не узнавал. Но Волошинов никаких предложений со стороны белых не делал и уехал на Западный фронт. В нем мне несколько подозрительно было то, что при переходе на службу в Красную армию он не прошел через Особый отдел. Кроме этих четырех бывших офицеров я никого из белой армии не видал и ни с кем с той стороны сношений не имел.

4. [П.А.] Лечицкий, вызванный в Москву по службе, действительно был у меня. Никаких политических разговоров я с ним не имел, говорили только о том, как кто устроился, и оба были довольны своей службой. Что Лечицкий принимает участие в какой-либо организации —

¹⁰⁰ Пленных белых офицеров.

¹⁰¹ Правильно — Николай Евгеньевич Какурин (04.09.1883–27.07.1936) — бывший полковник, военспец РККА, племянник А.М. Зайончковского.

¹⁰² Н.Е. Какурин действительно командовал 3-й советской армией (24.10–31.12.1920).

я никому не говорил, так как этого не знаю, от него этого не слышал, да мне кажется, что он на это и не способен.

5. [А.Е.] Гутор при мне не говорил, что он отправил 8 офицеров к Колчаку; может быть, это было сказано, когда я лег спать.

6. Показания сидевших со мною в камере о наших разговорах о Лечицком и другие переиначены: я принципиально выразился, что Лечицкому все бывшие офицеры во всяком деле поверили бы, так как он человек честный, а Драгомирову — нет, но о том, что Лечицкий стоит во главе какой-то организации, я никому не говорил, т.к. сам этого не знаю.

7. Еще раз подтверждаю, что упрекнуть себя в чем-либо относительно Советской власти я не могу. Служил ей честно, с полным желанием ее поддержать, что и готов доказать в будущем»¹⁰³.

Какое-то время Зайончковский находился в одной камере с другим арестованным членом Особого совещания при главкоме, бывшим генералом А.Е. Гутором. Очевидно, это делалось чекистами в целях наблюдения за разговорами арестованных. По-видимому, Зайончковскому при допросе предъявили материалы внутрикамерного наблюдения, включая разговоры А.Е. Гутора, потребовав их прокомментировать. К сожалению, данные внутрикамерного наблюдения в деле отсутствуют.

Затем допросы стали происходить чаще. 22 ноября Зайончковский дал тому же Я.С. Агранову показания о генерале П.А. Лечицком. Суть их сводилась к тому, что Лечицкий по сведениям одного из знакомых Зайончковского, отказался участвовать в антибольшевистской подпольной организации еще в конце 1917 г., а, по сведениям другого знакомого, стоял во главе такой организации летом 1918 г. О необходимости объединиться ввиду грядущей анархии в январе 1918 г. говорил юрист И.А. Кистяковский. Намечалась пятерка организаторов из И.А. Кистяковского, Кривошеина, Форштетера, инженера Н.Н. Лебедина и пятым предлагалось участвовать Зайончковскому¹⁰⁴. Кого поставить во главе, не знали. Тогда и возникла фамилия Лечицкого. Его Зайончковский видел в 1915 г. и в сентябре 1920 г., когда тот приезжал к нему в Москву. Из этих показаний следовало, что Зайончковский имел контакты с людьми, потенциально или реально причастными к подполью.

24 ноября арестованный дал показания об участии в организации Кистяковского-Кривошеина бывшего генерала А.А. Брусилова в конце

¹⁰³ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 21–22 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 24–24 об.

1917 г. — начале 1918 г. Якобы Зайончковский советовал ему отказаться от участия в этой организации. Тогда «он решил уйти и, насколько знаю, исполнил»¹⁰⁵ это. Упомянул Зайончковский и то, что с Брусилловым от имени прогерманского подполья в Москве вел переговоры бывший генерал-майор В.Н. фон Дрейер (он был начальником штаба подпольной монархической организации генерала С.А. Довгирда¹⁰⁶). После этого Зайончковский Брусилова якобы не встречал до заседаний Особого совещания в мае 1920 г., «но, зная его характер и нерасположение к нему бывшего офицерства и общества, думаю, что он двойной игры не ведет»¹⁰⁷.

Зайончковский дал показания и в отношении других офицеров: «Генштаба [В.С.?] Михеева и [В.А.?] Екименко я действительно встречал (раз или два) в этой организации; насколько помню, роль их должна была сводиться к организации живой силы. На одном их докладе я присутствовал перед моим уходом, и на меня он произвел смехотворное впечатление (очковтирательства), а потом я слышал, что ими остались недовольны на денежной почве, да и сама организация распалась»¹⁰⁸.

Была в показаниях и проговорка, что Зайончковский все же состоял в подпольной организации: начальник «Генштаба Дрейер... должен был войти в эту организацию уже после моего ухода (февраль 1918 г.). Он приходил ко мне от Брусилова; я его познакомил, в чем дело, но, кажется, он не сошелся и не вошел. О том, что он в то же время вошел в какую-то другую организацию, я действительно слышал»¹⁰⁹.

Показания Зайончковский давал сравнительно осторожно, хотя продемонстрировал осведомленность о различных антибольшевистских подпольных структурах. Например: «О существовании в это же время организации бр[атьев] Квитницких (один — Генштаба¹¹⁰) я слышал, но она пользовалась несочувствием, так как, говорили, существовала на немецкие деньги»¹¹¹.

¹⁰⁵ Там же. Л. 27.

¹⁰⁶ Дрейер В.Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 222; Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 442; *его же*. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 82. Правда, по данным генерала А.И. Деникина, германские представители в Москве, курировавшие работу этой организации, передавали сведения о подпольщиках большевикам.

¹⁰⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 27.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Л. 27 об.

¹¹⁰ Полковник Л.В. Квитницкий был арестован и расстрелян в конце 1918 г.

¹¹¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 27 об.

В целом показания давали любопытный срез умонастроений военной элиты смутного периода:

«5. Генштаба [Н.Н.] Оболенцев. Только раз в начале 1918 г. действительно слышал, что он состоит в какой-то организации по сбору денег. Но потом мне говорили, что он больше болтает.

6. [Н.М.] Потапов (Генштаба) был у меня только один раз летом 1918 г. Говорил о причинах своего вступления сразу после переворота в Советскую службу на высокоответственный пост и, действительно, как бы оправдывался в этом.

7. [Е.И.] Мартынов (Генштаба). В старой армии его считали кадетом. Теперь несколько раз встречал на улице, говорил с ним, но вывести заключение, чтобы он принадлежал или знал бы о каких-либо организациях, не мог.

8. [А.И.] Верховский (Генштаба). Отлично работает, всех призывает к работе. Из нескольких слов его мог понять сожаление, что он связан принадлежностью к какой-то партии политической, а не к организации.

9. [В.Ф.] Новицкий Василий (Генштаба). Могу только сказать, что считался другом и был помощником военного министра Гучкова.

10. [А.М.] Мочульский (Генштаба). В 1919 г., когда я служил в Главном штабе, котирировался как особо боящийся комиссаров. Частных с ним сношений никогда не имел.

11. [С.И.] Одинцов (Генштаба). Приехавши летом 1918 г. из Германии с проводов тела Мирбаха, говорил мне и [А.П.] Архангельскому, что в Берлине военный министр предлагал через него устроить белогвардейскую организацию в Москве. Он предлагал нам взяться за это дело, но получил отказ.

12. Лебедев Павел Павлович. Всеми высоко ценится, как талантливый работник. Уже в камере слышал, что так ценят его и белые, и сожалеют, что он пошел на такую ответственную должность.

13. Ратгэль Николай Осипович¹¹². В камере слышал, что его и Свечина белые решили повесить первыми. Очень горячо и откровенно отстаивающий свои взгляды, почему должен иметь врагов. Никаких частных сношений с ним не имел.

14. [С.А.] Сухомлин (Генштаба). Отношение его к Брусилову и [Н.Н.] Стогову не знаю, но он был начальником штаба на войне у Бру-

¹¹² Правильно — Иосифович.

силова, а Стогов — генерал-квартирмейстером. Никаких разговоров о политике не начинал со мною сам и даже не поддерживал»¹¹³.

В тот же день Я.С. Агранов дополнительно допросил Зайончковского по поводу московского подполья. «На заданные мне вопросы отвечаю:

1. О встрече в Александровском саду (случайной) летом 1920 г. с подрядчиком Главархива (фамилии не помню) по плотничным работам, таковая действительно была. Он начал приставать ко мне с разговорами, и, хотя я и указывал ему, что за мной следят, но он продолжал говорить, что в Москве существует какая-то организация, но о том, что меня предполагают поставить во главе ее, ничего не говорил. Говорил, что если поляки заключат мир, то вместо них сейчас же выступят армии Гучкова и [Б.В.] Савинкова. Про Стогова он сказал только в конце, когда я от него уже убежал, такими примерно словами: “А наш-то Стогов (наш, потому что Стогов также служил в архиве) каким молодцом спасся” и, кажется, прибавил: “Вот так мы!”. Ручаться за эту последнюю фразу я не могу.

2. О сформировавшейся или предполагавшейся к формированию в декабре 1919 г. — январе 1920 г. в Москве организации, которая наметила меня поставить во главе, я, к сожалению, пока сказать еще ничего не могу. С июня 1919 г. и почти по апрель 1920 г. я находился на Южном фронте очень далеко от Москвы. Туда ко мне никто не приезжал, что могут и подтвердить мой секретарь Коняев и секретарь т. Федорова (начальника политупр[авления] 14[-й] армии) т. Хренов (коммунист), жившие со мною и находившиеся неотлучно при мне. В Москве же за 6 прошедших месяцев ко мне никто не приходил предлагать и даже намек никто не делал, кроме упомянутого в п. 1 подрядчика. Может быть, это можно объяснить тем, что мне хотели сообщить, чтобы не подвергать особому риску тогда уже, когда организация примет большие размеры, а, может быть, в виду назначения меня 1 мая членом Особого совещания и [в]виду подписанного мною воззвания к белым офицерам, переменили свое решение или временно отложили мне его сообщать»¹¹⁴.

Из этого протокола видно, что за Зайончковским или его контактами следили и летом 1920 г., о чем в деле материалов нет (имеются лишь указания организовать слежку с конца августа 1920 г.).

¹¹³ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 27 об. -28.

¹¹⁴ Там же. Л. 30-30 об.

Судя по показаниям Зайончковского, он был хорошо осведомлен об антибольшевистском подполье в Советской России, знал, кто из представителей старой военной элиты работал в этих организациях, а кто — нет. Более того, какое-то время, как мы уже знаем, сам участвовал в такой деятельности.

Видимо, на основе показаний Зайончковского производились допросы упомянутых им лиц. Так, бывший генерал Н.Н. Обошешев был вынужден давать объяснения по поводу своей причастности к белому подполью: «В военных организациях в 1918 году не состоял; бывшему генералу Зайончковскому денег от какой-либо военной организации не предлагал и сам таковых ни от кого не получал. Разговоры по городу о сборе денег для б[ывшего] ген. Алексеева слышал, но сам не давал и не собирал денег. С б[ывшим] генералом Мрозовским никаких сношений с сентября 1917 г. не имел и о том, что он состоит на службе у Деникина не знал. Письма от него в 1919 г. через нарочного не получал. В Казани был в 1920 г. по служебному поручению, пропагандою там не занимался; о сочувствии своем выступлениям Деникина и других генералов не говорил, т.к. таким выступлениям никогда не сочувствовал и в успех их не верил; разбирал ли я причины неудач Деникина, не помню, но при докладе т. Склянскому помню, что я сказал, что в числе причин, вызвавших неудачу Деникина, были и неверные лозунги; возможно, что то же говорил и в собрании специалистов в Казани, если считать собранием мои посещения кабинетов н[ачальни]ков управлений и отделов штаба Западной армии, которые я посещал для получения ответов на вопросы, поставленные мне для выяснения Советом Всеросс[ийского] главного штаба»¹¹⁵.

Материалы обо всех упоминаемых в деле, в том числе лояльных властям, лицах заносились на следственные карточки. В них в кратком виде систематизировалась содержательная часть показаний и обнаруженных материалов¹¹⁶. Имелась там карточка и на самого Зайончковского, в которой в сжатом виде суммировались обвинения против него и давались отсылки к листам дела. Упоминалось содействие Я.А. Слащеву и П.Н. Врангелю при обороне ими Крыма; связь с Врангелем через начальника штаба корпуса Слащева полковника Г.А. Дубяго; перегруппировка красных войск; факт выезда к нему из штаба Врангеля в апреле 1920 г. офицера с крупной суммой денег; осведомленность о москов-

¹¹⁵ Там же. Л. 40.

¹¹⁶ Там же. Л. 41–45, 47–125.

ском антибольшевистском подполье от полковника Б.М. Иванова; осведомленность об объединенной организации Кистяковского в 1918 г.; отказ давать сведения через Георгиевский союз, председателем которого являлся; два предупреждения от эсеров об осторожности; предположение самого Зайончковского о существовании в Москве организации не из офицерской среды; говорилось и о показаниях большевика М.И. Стасюка о работе Зайончковского на белую контрразведку¹¹⁷. По делу проверяли и однофамильцев арестованного — Михалину Зайончковскую и ее дочь Паулину Александровну¹¹⁸, а также белорусскую учительницу из-под Витебска Евгению Николаевну, неосмотрительно хваставшуюся, что «ее дядя — генер[ал] Зайончковский, работает с Брусиловым — а и что она, хотя и живет в глуши, — но все же знает многое о политической жизни в Москве»¹¹⁹.

Допрос следующего дня, 25 ноября, был посвящен подпольным связям бывшего генерала П.А. Лечицкого: «В ответ на заданные мне вопросы показываю:

1. Насколько я помню, в июле 1918 г. Кутепов (бывш[ий] егерский офицер¹²⁰, а не к[омандир] Добровольческого корпуса) или кто-нибудь из других офицеров, переселявшихся из Петрограда на Украину, говорил мне, что Лечицкий Платон Алексеевич стоит во главе какой-то организации, которая распространяется и на Москву. Других подробностей он не знал, так как приезжал в Петроград на несколько дней и уезжал совсем на Украину.

2. С лета 1918 г. и до сентября 1920 г. я о Лечицком ничего не слышал. Раньше он бывал у меня только в период 1906–1908 гг., когда был моим начальником дивизии, и то только в официальных случаях. Приехавши в сентябре 1920 г., Лечицкий по телефону из секретариата начальника Полевого штаба через делопроизводителя Сергея Михайловича (фамилии не помню) пожелал меня видеть, и, несмотря на далекое расстояние, пришел ко мне. В разговоре я ему рассказал всю свою жизнь за последние три года, как я не хотел ехать на фронт, как мне там было

¹¹⁷ Там же. Л. 120 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 126–130 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 258.

¹²⁰ В Лейб-гвардии Егерском полку служили несколько офицеров Кутеповых. Это были братья-полковники Александр Сергеевич (04.08.1881–07.11.1930) и Владимир Сергеевич (02.07.1883–05.02.1938). Они оба участвовали в Белом движении на Юге России и умерли в эмиграции в Брюсселе. Сам А.М. Зайончковский в 1906–1908 гг. был командиром Лейб-гвардии Егерского полка.

хорошо и, насколько помню и даже, наверное, высказал мое убеждение в необходимости служить, что я и делал, и всеми силами помочь Советской власти покончить с Гражданской войной (это был смысл моего разговора, но за фразы я не ручаюсь). Лечицкий о том, как он жил три года, мне ничего не рассказал (может быть, по свойственной ему молчаливости), а о причине его приезда ко мне сказал, что приехал посоветоваться, принять ли ему место для поручений при начальнике штаба, причем сказал только, что его более устраивает остаться в Петрограде. Прощаясь, он меня сердечно поблагодарил за интересные разговоры, сказав, что-то вроде того, что ему многое осветилось (говорю смысл общий, как я его понял)¹²¹.

В тот же день Зайончковский дал дополнительные показания о подполье: «На заданные мне вопросы отвечаю:

1. Я вспомнил (в дополнение к моему показанию от 24/XI), что в половине декабря 1919 г. я приезжал с фронта с т. Розенгольцем на две недели в Москву и тогда в принципе было решено, что я весной вернусь в Москву.

2. Позволяю себе высказать мои личные мысли, может быть и совершенно ошибочные, что этот заговор, если он действительно существовал, может идти и не из офицерской среды. Мои мысли основываются на следующем:

а) Во главе всякого заговора должен быть военный, и потому, естественно, должны были искать известного генерала.

б) Что социалистические партии не против участия генералов, показывают два факта, бывшие со мною до первого ареста, т. е. в феврале или марте 1918 г.

Раз в Английский клуб ко мне явилась молоденькая барышня с предупреждением от партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], что в Москве появились провокаторы (кажется, одного фамилия Румянцев). Я ее поблагодарил, но сказал, что меня это не касается, т. к. я ничем предосудительным не занимаюсь.

Почти что в то же время (через несколько дней) ко мне явился на квартиру господин средних лет и сказал, что он состоит в какой-то организации с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Я во избежание недоразумений немедленно ему сообщил, что он ошибся, что я не с[оциалист]-р[еволюционер] и что ни в какую политику не вмешиваюсь и ни в какие организации не вступаю. Несмотря на это, он мне долго и подробно

¹²¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 32-32 об.

говорил. К сожалению, о том, что он мне говорил, я совершенно не помню, т. к. меня это не интересовало, и я только хотел от него избавиться. Говорил что-то вроде силы их партии среди низшей администрации железных дорог, телеграфа и пр.

Эти два факта я привожу только для того, чтобы показать, что, если указанная организация существует в действительности, то может быть она и не из офицерской среды.

3. Никаких больше встреч с с[оциалистами]-р[еволюционерами] у меня не было, никого я из них не знаю.

4. Как я ни старался собраться с мыслями, но не могу припомнить даже намека, чтобы мне кто-нибудь сделал насчет этой организации»¹²².

Смелую по тем временам попытку добиться освобождения арестованных предпринял начальник Академии Генштаба РККА бывший генерал А.Е. Снесарев. В деле сохранилась копия обращения Академии в Особый отдел ВЧК от 26 ноября 1920 г., подлинник которого подписали ее начальник, комиссар и завуч. Отмечено, что подлинник хранится в деле В.Н. Клембовского, местонахождение которого в настоящее время не установлено (в Центральном архиве ФСБ такое дело отсутствует).

В обращении отмечалось:

«Академия Генерального штаба РККАрмии развивает самую интенсивную работу в целях подготовки возможно большего числа красных офицеров Генерального штаба.

Одним из самых трудных препятствий по успешному выполнению поставленных академии задач является крайний недостаток опытных преподавателей, руководителей. Между тем, по имеющимся данным, в местах заключений находится значительное количество специалистов Генерального штаба, которые своей работой могли бы принести большую пользу в деле пополнения рядов Красной армии столь необходимыми офицерами Генерального штаба. Ввиду изложенного Академия Генерального штаба просит не отказать в скорейшем освобождении указанных ниже лиц:

Фамилия Отметка об ученой и учебной деятельности

1. Клембовский А.И.¹²³ Является одним из ценных работников в Исторической комиссии: труды его являются руководством по изучению

¹²² Там же. А. 34–35.

¹²³ Так в документе. Правильно — В.Н.

В.Н. Клембовский

многих вопросов исторического и тактического характера. Желательно привлечение его в качестве преподавателя.

2. Гутор (у т. Агранова). Состоял председателем Главной уставной комиссии. Под его руководством разработаны Устав полевой службы и Наставление для действий пехоты в бою. Желательно привлечение его в качестве преподавателя¹²⁴ тактики.

3. Зайончковский. Желательно привлечение его как опытного преподавателя тактики и истории военного искусства.

4. Суворов А.Н. (у Фельдмана). Один из самых известных преподавателей тактики, имеет ученые труды и в настоящее время имеет курс тактики: последнее обстоятельство особенно важно ввиду бедности в трудах данного характера.

5. Раевский М.Ф. Специалист по разведке и мобилизации. Был приглашен в академию для чтения лекций по мобилизации.

6. Щелоков И.И. Специалист по мобилизации.

7. Мочульский А.М. Специалист по вопросам военно-административного и организационного характера. Желательно привлечение Щелокова и Мочульского в качестве руководителей.

8. Обошешев Н.Н. Опытный уже работавший в академии руководитель по тактике и администрации.

9. Леонов [Г.В.].

10. Бойко А.М.

¹²⁴ В документе ошибочно — преподавания.

11. Текелин [Л.А.].

12. Земцев¹²⁵ С.И.

[ко всем четверем:] Желательно привлечение их в качестве руководителей по тактике, администрации и топографии»¹²⁶.

28 декабря 1920 г. А.М. Зайончковский дал показания о комиссаре штаба 13-й армии М.С. Петрашине и о начальнике 9-й стрелковой дивизии М.А. Орлове, с которыми он служил. По его свидетельству, «Петрашин был при мне как начальнике штаба 13[-й] армии комиссаром около месяца (примерно сентябрь 1919 г.). Почти что весь этот месяц штаб жил в вагоне, причем я жил в вагоне с командиром т. Геккер и членом РВС т. Пятаковым, а Петрашин жил отдельно. Делами он совершенно не интересовался, так что по суткам моим секретарям приходилось искать его по поезду, чтобы подписать бумаги, которые чаще всего подписывались другими комиссарами. Петрашин же больше разъезжал на автомобилях. Личных сношений с Петрашиным я не имел, и весь штаб видал, как я старался от него отделаться, всегда отказываясь от всяких его приглашений к нему в вагон и виделся с ним только в вагоне командарма. По всему было видно, что Петрашин — не идейный работник, а больше человек, заботящийся о своем благосостоянии (таково мое личное мнение). Это по характеру был мальчишка, думающий о своих удовольствиях. Когда его командарм и РВС оставляли в Орле взрывать мосты, то я обратил внимание на то, что Петрашин переменялся в лице, что я приписал его испугу. В июле или августе этого года я получил от Петрашина письмо из тюрьмы Ревтрибунала 13[-й] армии, в котором он просил меня похлопотать о скорейшем разборе его дела. Письмо это я немедленно отправил при официальном моем письме на усмотрение т. Геккера как моего командарма.

Тов. Орлова, у которого т. Петрашин был в 9[-й] дивизии комиссаром, я знал очень мало, только в тот период, когда я ему сдавал временно штаб армии в декабре 1919 г. и феврале 1920 г. Т. Орлов был, насколько я заметил, очень дружен с т. Геккер и Косиор, которые его очень ценили. На меня он произвел впечатление очень преданного Советской власти, но по служебным талантам я его считал гораздо ниже, чем командарм. Мои личные отношения с ним были натянутые ввиду тех мелких придирок чисто личного характера, которые он мне делал,

¹²⁵ Правильно — Земцов.

¹²⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 157-157 об.

принимая от меня временно штаб, и личных отношений у меня с ним не было. Орлов за время нашего совместного пребывания в штабе жил у т. Геккер[а]»¹²⁷.

Отметим, что М.А. Орлов окончил ускоренные курсы Военной академии и был капитаном старой армии. В РККА он служил добровольно с 1918 г. Командовал 9-й стрелковой дивизией 13-й армии, а в 1920 г., после ухода с этой должности Зайончковского, временно замещал его на посту начальника штаба армии.

В камеру к Зайончковскому подсадили тайного осведомителя Особого отдела ВЧК, но он был быстро разоблачен. 28 декабря 1920 г. Зайончковский сообщил следователю Матвееву: «Со мной в камере действительно сидит тов. Стефановский — агент Особого отдела.

Я действительно обратил внимание, что он очень хорошо и во всех мелочах осведомлен о белых (особенно о петроградской операции) и очень мало о красных. В разговоре более интересуется характеристикой здешних лиц (например, Л.Д. Троцкого). Все время старался узнать о подготовлявшемся будто бы восстании (в октябре) под главенством Брусилова»¹²⁸.

31 декабря 1920 г. супруга Зайончковского Марфа Михайловна написала ему: «Дорогой Дреннька, получила твое второе письмо. У нас все благополучно. Сережа захворал тифом. Вскоре пришлю чаю[?]. Об нас не беспокойся, береги свое здоровье. Обнимаю, твоя Маша»¹²⁹.

7 января 1921 г. письмо жене и дочери написал и сам арестованный: «Дорогая Маша! Поздравляю тебя и Ольгу с праздником и Новым годом! Будем надеяться, что он для нас будет счастливее. Я здоров. Присылаемые тобой книги до меня доходят, но лекарства (йод и пилокарпин) — нет, все теряется в лазарете. Я очень прошу урегулировать этот вопрос через кого-нибудь. Спасибо за присылаемое. Ты меня балуешь. Крепко обнимаю всех Вас и всей душой всегда с тобой. Твой навеки Андрей»¹³⁰.

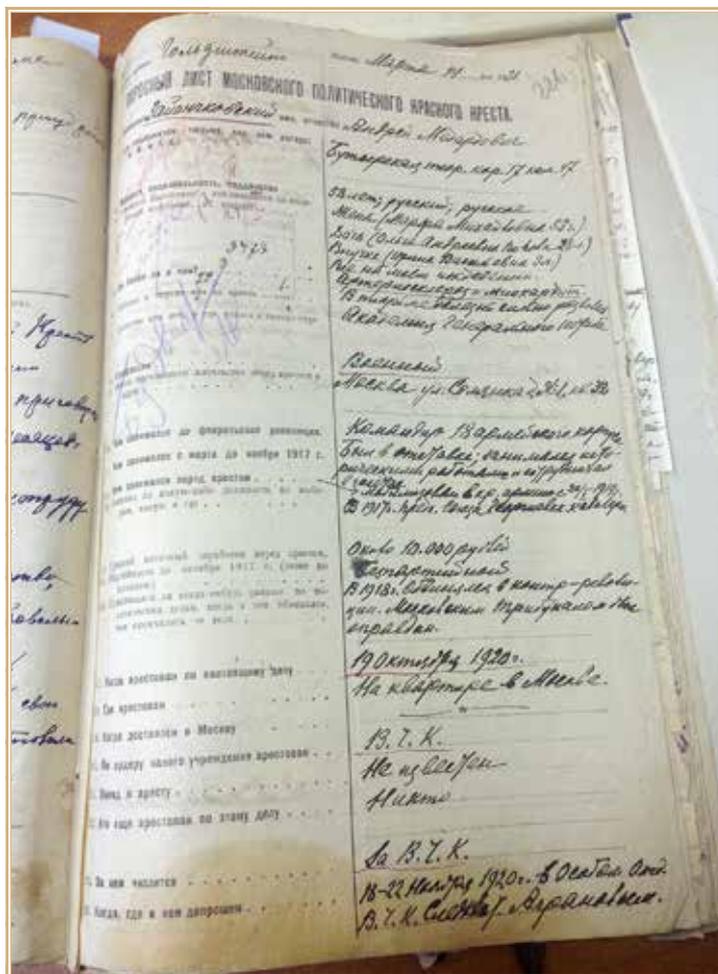
В тот же день, 7 января 1921 г., Зайончковский писал видному большевику А.П. Розенгольцу в первый Дом советов (гостиница «Националь»), пытаюсь выяснить адрес особоуполномоченного Особого отде-

¹²⁷ Там же. Л. 37–37 об.

¹²⁸ Там же. Л. 39.

¹²⁹ Там же. Л. 149.

¹³⁰ Там же. Л. 153–153 об.

Опросный лист Московского политического Красного Креста, заполненный
А.М. Зайончковским. ЦГАМО. Публикуется впервые

ла ВЧК Исаака Самойловича Кизильштейна (Кизельштейна), который «был так внимателен ко мне, что навел меня в моем длительном заключении. К сожалению, он меня очень взволновал своими разговорами, и я не мог с ним поговорить толком»¹³¹. В обращении содержалась просьба к И.С. Кизильштейну прийти опять, чтобы Зайончковский дал ему дополнительные показания.

В том же месяце Зайончковский обратился к заместителю начальника Особого отдела ВЧК Г.Г. Ягоде с просьбой разрешить еще одно свидание с И.С. Кизильштейном¹³². По-видимому, такая встреча произошла, так как Кизильштейн сообщил арестованному, что с ним хочет

¹³¹ Там же. Л. 151 об.

¹³² Там же. Л. 146.

поговорить сам Г.Г. Ягода, но состоялась ли, в свою очередь, эта беседа, неизвестно¹³³.

В опросном листе Московского политического Красного Креста от 14 марта 1921 г. Зайончковский писал, что сущность дела «определенно выяснить из допросов не мог. Мое личное впечатление, что причина ареста общее политическое ко мне недоверие и подозрение в нелегальном в политическом отношении поведении»¹³⁴. В том же документе он сообщил, что страдал атеросклерозом и миокардитом, которые усилились в тюрьме¹³⁵.

Между тем чекисты продолжали получать оперативную информацию об арестованном. В деле сохранилась анонимная записка с изложением разговора или показаний некоего Рейха, где среди прочего отмечалось, что «Осорин имел связь с Зайончковским и Трубецким. Известия от брата, находящегося у Врангеля, семья получала через него. Причем он говорил, что привез их приезжий с юга, что между [н] им и этим посланным есть третье лицо, которое не разрешает лично повидаться с ним и расспросить; все, что можно, по этому поводу узнаю в ближайшие дни»¹³⁶.

В докладе на имя начальника Секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонова секретный сотрудник Миронов 15 марта 1921 г. сообщал: «Доношу, что от питерской белогвардейской организации мною обнаружены следующие нити, ведущие в Москву:

1) к бывш[ему] генералу Зайончковскому, задача которого освещать деятельность Особого брусилковского совещания, в котором он был членом (до своего ареста).

2) К бывш[ему] полковнику Генштаба Вячеславу Константиновичу Токаревскому (у них под подозрением). См. дела архив. № 18506/8.

3) К начальнику ЦУПВОСО¹³⁷ бывшему генералу Раттэлю.

4) К бывшему генералу [А.Г.] Лигнау (связь на Восток).

5) К начальнику 1-го отделения Главного артиллерийского управления Николаю Константиновичу Медведеву.

Старый пароль “не суббота ли сегодня” (теперь я думаю уже изменен, но пока еще пользоваться им можно, особенно по отношению к Зайончковскому).

¹³³ Там же.

¹³⁴ ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 226 об.

¹³⁵ Там же. Л. 226.

¹³⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 150.

¹³⁷ Центральное управление военных сообщений.

Связь[ю] с Москвой в Питере ведал Андрей Иванович Мальден-Малинин. Организации имели названия литерные: Лит. “А” и т.д.»¹³⁸.

Работавший с А.М. Зайончковским чекист Крылов сообщал 6 мая 1921 г. в рапорте уполномоченному Секретного отдела ВЧК Генкину о поступившем от арестованного инициативном предложении: «Доносу, что генералом Зайончковским предложено мне похлопотать об его освобождении, и в благодарность за это он обещает ввести меня в круг старших служащих Всероглавштаба, где, по его словам, можно почерпнуть много интересующих Чека сведений: Он сам обещает давать мне все могущие быть полученными им сведения, но при обязательном условии, чтоб ВЧК не знала о его побочном сотрудничестве, т. к. службу в Чека он считает для себя недопустимой, как марающую его незапятнанный генеральский мундир. Зайончковскому было предложено с.-р.¹³⁹ Мальва прочесть несколько лекций по военному искусству для Мальва, в интимной обстановке. Зайончковский отказался, указывая на то, что столь видимое сближение с эсерами может повредить его репутации. Но потом, пригласил меня для безопасности, согласился, но лекции ввиду отправки социалистов не начинались. Зайончковский был в самых дружеских отношениях с Комковым и Мальва, которые по несколько раз в неделю навещали его в околodge. Разговоры велись на текущие темы — назначение [Ф.Э.] Дзержинского нарком[ом] пут[ей] сообщения, предполагал; выборы в совет. По словам Зайончковского, “лучше уж с коммунистами иметь дело, чем с этой сволочью” (эсеры). Однако на деле он избегает сближения с коммунистами и, как видно из вышесказанного, дружит с эсерами»¹⁴⁰.

Несмотря на сделанное предложение, освобождение арестованного затянулось. 13 мая 1921 г. супруга А.М. Зайончковского Марфа Михайловна писала в управление делами ВЧК: «4 апреля во время общего свидания с его дочерью он сказал, что с ноября его не допрашивали и очень просил обратиться к Вам с просьбой о скорейшем рассмотрении его дела. Я откладывала писать Вам об этом, но сейчас вынуждена это сделать, т. к. болезнь его сердца очень ухудшилась за эти 7 месяцев, особенно теперь (тон писем резко изменился), когда МЧК допросила его по случаю бывшего у нас грабежа одним из его соседей в камере»¹⁴¹.

¹³⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 143.

¹³⁹ Эсером.

¹⁴⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 144–144 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 139–139 об.

Женщина просила о свидании с мужем: «Я сумела бы его успокоить при личном свидании, если Вы найдете возможным разрешить мне его, от общего, в виду моей глухоты, я должна отказаться»¹⁴². В деле сохранилось удостоверение от врача Б.М. Жирмунского от 23 апреля о том, что Зайончковская страдает резким ослаблением слуха и разговор с ней возможен только при значительном повышении голоса¹⁴³.

Маем 1921 г. датировано еще одно заявление Зайончковской в Особый отдел ВЧК с просьбой разрешить личное свидание, так как из-за глухоты она не могла воспользоваться общим свиданием¹⁴⁴.

В опросном листе Московского политического Красного Креста, который 22 июля 1921 г. заполнила супруга Зайончковского, отмечалось: «Всего было два допроса, обвинений не предъявлено, с ноября допроса не было. Свидание дали только одно три месяца тому назад. Следователи Ревтрибунала на запрос ответили, что следствие окончено, находится в 16-м отделении [Особого отдела] ВЧК, но свидание все-таки не дают.

Прошу о выяснении результатов следствия и о скорейшем рассмотрении дела»¹⁴⁵.

Интересно, что сведения об аресте Зайончковского проникали в среду русской военной эмиграции. Осведомленный эмигрант полковник А.А. фон Лампе со ссылкой на служившего в Военной академии РККА некоего Цветкова справедливо отмечал в своем дневнике в ноябре 1922 г., что Зайончковский провел в заключении более года¹⁴⁶. Кроме того, в Бутырской тюрьме с арестованным беседовал полковник В.И. Скрыба, позднее репатриировавшийся в Польшу как польский подданный. Через него информация об Зайончковском уже в июне 1921 г. поступила к представителю генерала П.Н. Врангеля в Варшаве генералу П.С. Махрову, причем Скрыба изложил ему свою беседу с Зайончковским в тюрьме. Последний утверждал, что «арестован был без всякого повода, т.к. фактически ни в каких заговорах не участвовал. Красную армию он считает недисциплинированной и неорганизованной бандой, весьма враждебно настроенной к советскому правительству и сдерживаемой до поры до времени невероятным террором»¹⁴⁷.

¹⁴² Там же. Л. 139 об.

¹⁴³ Там же. Л. 141.

¹⁴⁴ Там же. Л. 142.

¹⁴⁵ ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229 об.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 126.

¹⁴⁷ Архив Гуверовского института. Evgenii Miller Collection. Box 4. Folder 3.

Сложно сказать, искренними ли были подобные высказывания бывшего генерала или он уже включился в чекистскую оперативную игру с поляками.

8 октября 1921 г. А.М. Зайончковский заполнил еще одну анкету для арестованных, в которой отметил, что год сидит в тюрьме и не имеет сведений о занятиях родных, а последний допрос состоялся 20 ноября 1920 г. следователем Я.С. Аграновым¹⁴⁸. И хотя эти сведения были неточны (как мы знаем, допрашивался он и в декабре 1920 г.), тем не менее общую тенденцию они отразили — следствие не интересовалось арестованным уже почти год.

Продолжалось давление на ВЧК по поводу освобождения высокопоставленного арестанта. Супруга А.М. Зайончковского обратилась к председателю Моссовета Л.Б. Каменеву с заявлением: «Муж мой, Андрей Медардович Зайончковский, 59 лет, арестован год тому назад (19 октября [19]20 года) (за О[собым] о[тделом] ВЧК), находится в Бутырской тюрьме, специалист Ген[ерального] штаб[а], историк и писатель. Он все время работал рука об руку с Советской властью и ни в чем замешан не был, никакого обвинения по настоящее время ему не предъявлено, свидание было одно, 6 месяцев тому назад. Я хлопотала об ускорении разбора дела и о разрешении свидания мне и моей дочери, на все мои заявления в ВЧК я ответа не получила.

Просьба моя заключается: об ускорении разбора его дела и об назначении нам свидания»¹⁴⁹.

11 октября 1921 г. в Президиум ВЧК Г.Г. Ягоде написал председатель ВЦИК М.И. Калинин, переславший заявление супруги арестованного с прибавлением своей просьбы ускорить следствие в связи с давностью последнего допроса¹⁵⁰. После этого дело действительно ускорили.

25 ноября 1921 г. датировано письмо супруги Зайончковского, видимо, Ф.Э. Дзержинскому или его секретарю В.Л. Герсону. Как и многие другие такого рода обращения, оно касалось освобождения арестованного: «Обращаюсь к Вашей справедливости, Феликс Феликсович¹⁵¹, прошу верить, что, если бы не моя вера в невиновность моего мужа, я бы не стала затруднять Вас моим письмом.

¹⁴⁸ ЦА ФСБ. Д, Р-28415. Л. 156–156 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 159.

¹⁵⁰ Там же. Л. 158.

¹⁵¹ Так в документе.

Муж мой, Андрей Медардович Зайончковский, арестован был 19 окт[ября 19]20 года. За эти 13 месяцев вероятно и следователь т. Агранов того же мнения, т. к. до сих пор не предъявил никаких обвинений. Цель моего письма во 1) дать характеристику моего мужа, 2) высказать Вам свое соображение о причинах повторных арестов и 3) просить Вас защитить нас на будущее время от подобных тяжелых наказаний.

Анд[рей] Мед[ардович] родился в бедной семье, отец его был поляк, мать — русская, сам он православный, в Польше никогда не жил и языка не знает.

Уже будучи юнкером инженерного училища, а затем слушателем Акад[емии] Ген[ерального] штаба, он жил на свои средства заработанные, вторым кончил академию. Любовь к труду, редкая трудоспособность (вся история Восточной войны написана им прямо набело) при талантливом знании дела помогли ему пробить себе дорогу как военному, историку и писателю¹⁵². Характер его нервный, не способный ни на какую двойную игру, не скрывающий свои симпатии и антипатии, его всегда боялись и завидовали ему, сам же он относился совершенно равнодушно к своим явным недоброжелателям, всегда был любим подчиненными, политикой никогда не занимался. Имея массу работы, друзей не имел. Вы можете проверить отчасти эту характеристику у Ю.Л. Пятакова¹⁵³, который в [19]19 году провел с ним несколько месяцев на фронте и с которым он во многом сходилась. Юрий Леонидович сожалел, что весной Вас не застал в Москве и не мог переговорить с Вами об Ан[дрее] Мед[ардовиче].

Мое мнение относительно арестов следующее: нынешнее правительство несомненно введено в заблуждение прежними недоброжелателями моего мужа, в котором они вновь увидели опасного конкурента по службе, как прежде плохо прощали ему ум его и характер, так и теперь, но тогда у него были и защитники, хорошо его знающие, а теперь кто из власть имущих его знает? Никто. Вот почему за клеветой идет тюрьма. Если как честный работник он нужен, окажите ему доверие, успокойте его, т. к. иначе наше положение для меня вполне ясно, т.е. оно безвыходно; нельзя бороться с тенями. В заключение скажу, что

¹⁵² Его военные сочинения были переведены на французский, немецкий и итальянский языки, за свой всесторонний труд он получил 2 премии из Акад[емии] наук, 1 из Акад[емии] Ген[ерального] штаба, писал учебник и проч[ее] (*примеч. М.М. Зайончковской*).

¹⁵³ Имеется в виду видный большевик Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков (06.08.1890–30.01.1937).

должен был перечувствовать 59-летний человек с больным сердцем за год тюрьмы, кот[орый] содержал три семьи: свою, дочь с внучкой и семью моего брата (он ранен 6 раз), зная наше материальное положение (при двух первых арестах было конфисковано все серебро и драгоценности) и узнав, еще сидя в тюрьме, от следователя МЧК о грабеже, который был совершен у нас бандитом Олениковым, соседом мужа по койке в Бутырке? Было одно свидание 4 апреля, через две решетки и из-за шума А.М. [Зайончковский] ничего не слышал, а потому тотчас ушел. Я была бы Вам очень признательна, если Вы примете мою дочь Ольгу Андреевну Попову, муж ее — помощник нач[альника] Борисоглебских кав[алерийских] курсов, с марта находился в боях с Антоновым, награжден орденом Красного Знамени, сейчас переведен в Петербург¹⁵⁴.

Желаю Вам всего лучшего и простите за отнятое время. М. Зайончковская»¹⁵⁵.

Чекистам, видимо, даже не потребовалось больших усилий, чтобы завербовать пожилого генерала. 22 декабря 1921 г. датирована его расписка о секретном сотрудничестве с ВЧК: «В Президиум Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией

Заявление

Я, Андрей Медардович Зайончковский, бывший генерал от инфантерии, этим заявляю:

Будучи горячо убежден в необходимости для блага русского народа поддержки и развития Советской власти нынешнего направления, обязуюсь информировать ВЧК о всех могущих возникнуть в стране контрреволюционных антисоветских организациях¹⁵⁶ и действиях, а также доводить до сведения ВЧК о всех предложениях белых организаций и групп, которые мне будут сделаны. В случае возникновения серьезного контрреволюционного движения против Советской власти я предлагаю свои услуги ВЧК для активного участия в раскрытии и подавлении белых организаций и заговоров против Советской власти.

Настоящее обязательство я даю добровольно без всякого на меня давления.

Андрей Медардович Зайончковский»¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Правильно — Петроград.

¹⁵⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 135–136 об.

¹⁵⁶ В документе несогласованно — организаций.

¹⁵⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 137–137 об.

По-видимому, никакого давления на арестованного действительно не оказывалось — имелось лишь условие освобождения при согласии сотрудничать, а Зайончковский был уже немолодым человеком, просидевшим более года в тюрьме. С 1922 г. агентом Государственного политического управления (ГПУ) также стала его дочь Ольга (Попова-Зайончковская), продолжавшая эту деятельность и после смерти отца¹⁵⁸. Впоследствии именно ее ложные доносы были положены в основу уничтожения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и его окружения в 1937 г.¹⁵⁹

В Заключении по делу отмечалось, что А.М. Зайончковский в 1918–1920 гг. получил от ряда белогвардейских организаций предложения о принятии им на себя активной роли в контрреволюционном движении. Его согласие на это и участие в такой работе, как утверждалось в документе, установлено не было. В действительности такие материалы в деле имелись, но поскольку чекистам для оперативных нужд требовалось освободить арестованного, на них просто закрыли глаза. На судебном заседании Президиума ВЧК 23 декабря 1921 г. Зайончковского по докладу особоуполномоченного секретно-оперативного управления ВЧК Я.С. Агранова постановили освободить¹⁶⁰. К 27 декабря он был уже на свободе¹⁶¹.

По освобождении Зайончковский занял должность штатного преподавателя Военной академии РККА. Для него началась новая жизнь, существенную часть которой составляла работа секретным осведомителем ВЧК–ГПУ–ОГПУ.

В чекистской практике Гражданской войны получили распространение упреждающие аресты, когда под каток репрессий без весомых мотивов попадали невинные люди либо из незначительных эпизодов раздувались дела о контрреволюционных организациях. Однако дело бывшего генерала А.М. Зайончковского имело совсем иной характер. Оно показательно, поскольку, на основе полученных оперативных данных, чекисты

¹⁵⁸ Военные архивы России (Москва). 1993. Вып. 1. С. 101.

¹⁵⁹ Там же. С. 101–102, 107–111.

¹⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 1.

¹⁶¹ ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229 об.

не только выявили контрреволюционно настроенного военспеца, в отношении которого поступила серия сигналов о его изменнической деятельности, но, сохранив ему жизнь, сумели заставить работать на себя.

Ближе к концу Гражданской войны оперативные возможности ВЧК в отношении бывших офицеров резко возросли. В результате побед красных на фронте многие участники Белого движения стали переходить на сторону победителей или попали в плен, появились и те, кто вернулся в Советскую Россию из эмиграции, было захвачено множество документов белых, а работа белого военного подполья на советской территории (при всей его слабости) утратила практический смысл. Как следствие вышеперечисленного резко увеличилось количество информации о тех, кто сотрудничал с белыми ранее. Все это отразилось в деле А.М. Зайончковского.

Возрастал и опыт сотрудников ЧК. К тому же успехи на фронте укрепляли положение РКП(б) и ВЧК, давая возможность методично разбираться, кто из военспецов и в какой степени был причастен к контрреволюционным действиям. Благодаря разветвленной системе осведомления и централизации сбора данных, ВЧК к 1920 г. обладала немалыми объемами важной информации, которыми, как показывает дело А.М. Зайончковского, умело распорядились в целях упреждения контрреволюционных проявлений в РККА. Свою роль в информировании чекистов сыграла и партийная разведка в белом тылу — один из важных сигналов о связях Зайончковского с белыми передал в центр большевик, направленный через линию фронта на нелегальную работу. Данные, собранные различными чекистскими подразделениями даже за разные годы, объединялись в одно дело, что позволяло аккумулировать максимум значимой информации, на основе которой принимались дальнейшие решения, например, об аресте. В то же время наружное наблюдение неподготовленными сотрудниками без должного обеспечения кадрами и техникой никакого результата не дало. Неудивительно, что наблюдатели пропустили передачу Зайончковским ценнейших оперативных сведений белым в октябре 1919 г. Не удалось установить это и позднее. Думается, если бы такие данные были твердо установлены сотрудниками ВЧК в 1919–1920 гг., участь Зайончковского была бы незавидной.

Важный сигнал о нелояльности военспеца был получен в 1920 г. от перебежчика из белого лагеря поручика Б.А. Зерена, что стало возможным в результате успехов красных на фронте. После этого Зайончковского вновь взяли в разработку — было возобновлено наружное наблюдение, велся сбор данных и иными способами. Но, насколько можно

судить, ничего нового установить не удалось. К этому можно добавить, что на фоне победы красных Зайончковский, по-видимому, прекратил помогать белым, да и возможностей для этого после отъезда с фронта у него не оказалось. Таким образом, сведения о его контрреволюционных действиях ограничиваются началом 1920 г.

Как бы то ни было, чекисты решили подвергнуть подозрительного бывшего генерала очередному аресту. Что касается последующих следственных действий, то их уровень нельзя назвать высоким — следствие велось крайне вяло (было проведено лишь несколько допросов в октябре — декабре 1920 г., а в 1921 г. допросов, насколько можно судить по материалам дела, не было вовсе). По-видимому, основные надежды возлагались на внутрикамерное наблюдение за Зайончковским, для чего некоторое время его содержали вместе с другим бывшим генералом и членом Особого совещания при главкоме А.Е. Гутором, а также с осведомителями Особого отдела ВЧК. Арест был длительным — за столь продолжительное время арестованный наверняка бы проговорился о чем-то важном.

Из показаний Зайончковского следовало, что он был не только хорошо осведомлен о том, кто из военспецов сотрудничал с белым подпольем, но и сам некоторое время состоял в тайной антисоветской организации. Впрочем, большинство обвинений в свой адрес он отрицал. Кроме того, из показаний арестованного чекисты узнали о других лицах, причастных к белому подполью. И хотя результаты допросов были не слишком впечатляющими, собранные компрометирующие Зайончковского данные послужили основанием для его длительного содержания под стражей и для последующей вербовки, что выглядит разумным решением с точки зрения оперативной работы ВЧК.

Позднее Зайончковский как агент советских спецслужб оказался вовлечен в противостояние с белой военной эмиграцией и иностранными разведками и участвовал в знаменитой операции «Трест». Тогда он выдавал себя за лидера оппозиционно настроенных военспецов в СССР — главу легендарной антисоветской организации «Монархическое объединение Центра России». Узнав о разоблачении Зайончковского, вдова генерала А.А. Брусилова впоследствии записала: «У него с семьей была квартира, прислуга, они принимали гостей, играли в карты, ужинали! Чего ни у кого из нас не было. Значит, он был на особом положении в глазах ГПУ»¹⁶².

¹⁶² Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления: 1870–1930-е. М., 2017. Т. 2. С. 263.

Все это было позже. А в период 1920–1921 гг. расследование контрреволюционных действий А.М. Зайончковского с последующей вербовкой этого авторитетного военного специалиста ВЧК можно признать успешной чекистской операцией.

Приложение

«Само собой он старый, годов около сорока...»

Материалы наблюдения за бывшим генералом А.М. Зайончковским и его окружением. 1919–1920 гг.¹⁶³

Документ 1. Донесение о наблюдении за А.М. Зайончковским.
8 июля 1919 г.

Донесение

Мне было поручино товаришом заведующим активной части встановить точное наблюдение Заичковским. 8 июля он был в штаби, из штаба он пошел 11 часов на квартиру и лёх спат 2 часа, в квартиры не было нечива, толко сидела на крылце старуха и еще девочка и разговаривали про дороговизну.

Сотрудник Медведев

ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 252. Подлинник. Карандаш.

Документ 2. Донесение о наблюдении за А.М. Зайончковским.
10 июля 1919 г.

Донесение

Мне было поручино товаришом заведующим вести наблюдение за Значковским, мне было узнать от его вистового, что когда он приходит домой и кто у его бывает. 10 июля он был у штаби до двух часов ночи, занимав, вистовый говорить, как он обращается хорошо, он прибыл из Москвы на время от товарища Тротцкого, я сидел до трех часов и ни мох заметить ничиво вистовый знакомый мне и приглашал меня что ты становись со мной на квартиры, у нас хозяйка багатая, и мы когда будим выезжать, то мы можем поджится от потому и емеют товариши

¹⁶³ Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. В тех случаях, когда донесения составлялись полуграмотными сотрудниками, сохранена орфография оригинала.

деньги большие, потому что они делают так, как я тебе говорю и советую и тебе так сделать и тогда нажать тысяч тридцать и уйти это говорил Иван Чернобаёв вистовый начальника штаба

Сотрудник Медведев

ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 251. Подлинник. Чернила.

Документ 3. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
23 октября 1919 г.

23 октября

1919 г.

Сергиево.

Сов[ершенно] секретно

сотр[удник] Белых

(«по делу Зайончковского»)

Рапорт

По данному мне поручению выяснить пришлось следующее: квартира Зайончковского находится при штабе 13[-й] армии, личности не представилось возможности видеть. За время моего дежурства, т. е. с 9 час. утра и до 10 час. вечера мною не было замечено, чтобы кто посещал его квартиру. Необходимо откомандироваться в качестве какого-либо сотрудника от политотд[ела], где можно будет тщательно усмотреть за упомянутой выше личностью.

Сотруд[ник] А. Белых

ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 166. Подлинник. Чернила.

Документ 4. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
28 октября 1919 г.

28 октября 1919 года

Местечко Сергиевское

Сотрудница Шведова

По делам Зайончковского

Рапорт

Сообщаю, что по данному мною¹⁶⁴ поручению выяснено следующее.

¹⁶⁴ Так в документе. Сохранена орфография документа. Должно быть — данному мне.

Я узнала, что квартира Зайончковского находится при штабе.

Его личность я узнала тоже очень хорошо. Само собой он старый, годов около сорока¹⁶⁵. Ходит он в кожаном френче, брюки зеленые с красными кантами, в штеблетах¹⁶⁶ и солдатской фуражке. Черты лица следующие: светлые [волосы?] и совсем сбритая голова, маленькие усы и длинный, прямо высокий ростом. Раза четыре мне приходилось его видеть с товарищем. Могу я описать и личность его товарища. Я пробыла в штабе до десяти часов вечера. Потом Зайончковский со своим товарищем сели на автомобиль и уехали: куда они уехали? Я, конечно, не узнала. Товарищу ходит: в кожаной куртке, коричневые брюки и [текст утрачен] в сапогах, черные брови, черные глаза и черный [текст утрачен] Коричневая цвета ф[уражка?]

Вот, что я могла выяснить.

Т[оварищ] Шведова

ЦА ФСБ. Д. Р2–8415. Л. 168. Подлинник. Чернила.

Документ 5. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.

31 октября 1919 г.

31 октября

1919 год

Мест[ечко] Сергиево

Сотр[удник] Балычев

по делу Зеленова¹⁶⁷

Согласно вашему поручению, сообщаю следующее. Что заступал мной в десять часов и до двух часов. Зеленова не видал, в два часа вышел и сел в автомобиль и уехал по направлению к мосту желез[нодорожному?] и уехал до четырех часов, в четыре часа приехал, а в пять часов я снова заступил, и половина седьмого он вышел и снова сел в автомобиль и поехал по тому же направлению. Я его ждал до восьми часов, в восемь часов он приехал в штаб, и я его больше не видал.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р–28415. Л. 170. Подлинник. Чернила.

¹⁶⁵ В действительности Зайончковскому было 56 лет.

¹⁶⁶ Орфография документа.

¹⁶⁷ Оперативный псевдоним, данный Зайончковскому.

Документ 6. Рапорт о приметах А.М. Зайончковского. Октябрь 1919 г.

*По делу Зеленый
октября 1919 года*

Наблюдение: кличка *Зеленый*

Установка

Фамилия *Зайончковский*

Имя

Отчество

Происхождение

Приметы: *лета 40, рост высокий, телосложение обыкновенный, цвет волос черные, лицо голова бритая, брови русые, нос обыкновен[ный], борода стрижен[ая], усы маленькие, походка тихая, тип ---, особые приметы ---*

Одет в кожаном френче; брюки зеленые с красными гантами; в щелках; на голове фурашка серого цвета солдат[ская], иногда надевает ш[у]нель серую.

Сотруд[ник] *Балычев*

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 174. Типогр. бланк. Подлинник. Чернила.

Документ 7. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.

1 ноября 1919 г.

1 ноября

1919

Мест[ечко] *Сергиево*

Сот[рудник] *Балычев*

по делу *Зеленова*

Рапорт

Согласно вашему поручению, сообщаю следующее, что заступил на пост в десять часов утра и до двух часов Зеленой не выходил. После двух вышел и сел в автомобиль и уехал в направлении улицы коммунаров. И я дожидался, он приехал в три часа, был в штабе, и он все время в был в штабе, больше не выходил, а комнату, которую занимает, без номеру.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 173. Подлинник. Чернила.

Документ 8. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
2 ноября 1919 г.

2 ноября
1919 г.
Мест[ечко] Сергиево
Сотр[удник] Балычев
по делу Зеленова
Рапорт

Согласно вашему поручению, сообщаю следующее. Заступил на пост в десять часов утра и половина двенадцатого Зеленой вышел с двумя новыми лицами и поехали на вокзал, а в 1 час дня приехали в штаб, в пять часов опять вышел и сел в автомобиль и поехал по улице ком[м]унаров, в половине седьмого приехал в штаб, и я его больше не видал.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 175. Подлинник. Чернила.

Документ 9. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
3 ноября 1919 г.

3 ноября
1919 год
Мест[ечко] Сергиево
Сот[рудник] Балычев
по делу Зеленова
Рапорт

Согласно вашему поручению, сообщаю следующее, что заступил половина одиннадцатого, а в половина двенадцатого вышел Зеленой из штаба с одним незнакомцем и сел в автомобиль, а в час дня он приехал в штаб, а в шесть часов вышел из штаба и снова сел в автомобиль с незнакомцем и приехал в восемь часов, и я его больше не видал.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 178. Подлинник. Чернила.

Документ 10. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
4 ноября 1919 г.

за 4 ноября
1919
Мест[ечко] Сергиево
Сот[рудник] Балычев
по делу Зеленова
Рапорт

Согласно вашему поручению сообщаю следующее, что заступил на пост в оди[н]надцать часов и не видал Зеленова до двух часов, а в два часа вышел Зеленой из штаба и сел в автомобиль и уехал по улице ком[м]унаров, а в три часа приехал в штаб, а вчерашнего незнакомца я узнал, что он временно живет в штабе, а в восемь часов Зеленой вышел из штаба и сел в автомобиль, и в девять часов он приехал, и я больше его не видал.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 179. Подлинник. Чернила.

Документ 11. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
5 ноября 1919 г.

за 5 ноября
1919
Местечко Сергиево
Сот[рудник] Балычев
по делу Зеленова
Рапорт

Согласно вашему поручению сообщаю следующее, что заступил на пост в один[на]дцать часов, а в три часа вышел Зеленой из штаба и сел в автомобиль с одним незнакомцем, а в четыре приехал в штаб, а половина седьмого снова Зеленой вышел и[з] штаба один и сел в автомобиль и приехал в восемь часов, оба раза ездил по улице ком[м]унаров, и я его больше не видел. Кончил половина десятого наблюдения.

Сот[рудник] Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 181. Подлинник. Чернила.

Документ 12. Рапорт о наблюдении за контактом А.М. Зайончковского. Ноябрь 1919 г.

*По делу Зайончковского новый тип в связи [с] Зайончковским
ноября 1919 года*

Наблюдение: кличка

Установка

Фамилия

Имя

Отчество

Происхождение

Приметы: лета 35, рост выше среднего, телосложение, цвет волос темно-русые, лицо блондин, брови темно-русые, нос обыкновенный, борода нет, усы русые, походка, тип, особые приметы.

Одет в шинель солдатской серой, защитная фуражка, в сапогах

Сот[рудник] Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 182. Типогр. бланк. Подлинник. Чернила.

Документ 13. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
6 ноября 1919 г.

за 6 ноября

1919 г.

Мест[ечко] Сергиево

Сотр[удник] Балычев

по делу Зеленова

Рапорт

Согласно вашему поручению, сообщаю следующее, что засту[пи]л на пост в один[на]дцать часов и следил за квартирой Зеленова, и Зеленой был в штабе, и он вышел из штаба и сел в автомобиль и уехал по улице ком[м]унаров. Это было в три часа, а в четыре приехал в штаб. Незнакомца, чем занимается, узнать не удалось, а живет он в штабе, а потом Зеленой вышел из штаба и сел в автомобиль и уехал тоже по улице ком[м]унаров. Это было в шесть часов, а [в] семь приехал, а потом я его не видел и дежурил до десяти часов вечера.

Балычев

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 184. Подлинник. Чернила.

Документ 14. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
7 ноября 1919 г.

за 7 ноября
1919 г.
Мест[ечко] Сергиево
Сот[рудник] Балычев
по делу Зеленова
Рапорт

Согласно вашему поручению сообщаю следующее, что заступил на дежурства в двенадцать часов и смотрел за квартирой Зеленова, и не видал Зеленова до шести часов вечера, а в шесть часов Зеленой вышел из квартиры и сел в автомобиль, а приехал в восемь часов, а нового знакомого Зеленоваго я не видал во все время моего дежурства и в квартире Зеленова я не видал никаких сборищ. Кончил работу в девять часов вечера. Из-за сапог, в виду того, что я хожу босой, продолжать работу не могу.

Сот[рудник] Балычев
ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 186. Подлинник. Чернила.

Документ 15. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
2 декабря 1919 г.

За 2 декабря
1919 года
гор[од] Орел

сотр[удник] Дубин
по делу Зеленый
Рапорт

Сообщаю, что мне было поручено выяснит[ь] личност[ь] Зеленый. Я видел его [в] 4 ча[са] дня, он вышел из учреждения и пошел в свою квартиру, квартиру занимает священника Георгиевской церкви по улиц[е] Болховской.

Сотруд[ник] Дубин
ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 188. Подлинник. Чернила.

Документ 16. Рапорт о наблюдении за А.М. Зайончковским.
3 декабря 1919 г.

за 3 декабря
1919 года
г. Орел
сотрудник Дубин
по делу Зеленый
Рапорт

Сообщаю при наблюдении в 10 ч. утр[а] Зеленый вышел из квартиры и пошел в учреждение свое, пробыл в учреждении до 4 час. дня. В начале 5-го часа Зеленый вышел из учреждения и сел на извозчика по Болховской ул., потом повернул на Московскую и скрылся, не пользуя[сь] я извозчиком, не мог дальше наблюдать[ь], обратно Зеленый приехал в начале восьмого вечера в учреждение свое и пробыл в учреждении до начала первого часа ночи, потом $\frac{1}{2}$ первого ночи вышел из учреждения и пошел на свою квартиру вдвоем по Болховской ул. № д[ом] Георгиевской церкви, другая личност[ь] там же, т.е. у него на квартире осталас[ь] с 1 час. ночи, поту[ши]ли огни в квартире. Больше никто уже не выходил.

Сотр[удник] Дубин

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 187. Подлинник. Чернила.

Документ 17. Сводка наблюдений за А.М. Зайончковским
за 3–8 сентября 1920 г.

Сводка
за 3, 4, 5, 6, 7 и 8 сентября 1920 года
по делу Зайончковского

3 сентября. В 9 час. 45 мин. из дома № 1 по Солянке вышел З. и направился в Реввоенсовет Республики.

В 14 час. 45 мин. З. вышел оттуда и возвратился в д. 1.

Более выхода З. замечено не было.

4 сентября. Выхода и входа З. замечено не было.

5 сентября. Выхода и входа З. замечено не было.

6 сентября. В 9 час. 45 мин. З. вышел из дома и пойдя в гостиницу Деловой двор, где вошел в комн. № 15 (редакция иностранных карт).

В 16 час. З. вышел и направился домой.

В 19 час. к дому № 1 был подан автомобиль за № 2837, З. вышел, сел в автомобиль, сел и поехал по направлению Варварской площади и до 21 часа возвращение его замечено не было.

7 сентября¹⁶⁸. Выхода и входа З. замечено не было.

8 сентября. В 10 час. 10 мин. З. вышел из дома и направился в Реввоенсовет Республики.

В 14 час. 40 мин. З. вышел оттуда и возвратился домой.

В 16 час. З., выйдя из своей квартиры, вошел в 5-й подъезд этого дома.

В 18 час. возвратился к себе на квартиру.

В 19 час. к дому № 1 был подан автомобиль за № 3365, спустя 5 мин. вышел З., сел на автомобиль и уехал по направлению к Варварской площади.

Более выхода З. замечено не было.

Зам. начальник[а] агентуры Голов

Агентурная записка по делу Зайончковского

Производя установку по Солянке в доме № 1 кв. 32, выяснено, что там проживает Зайончковский, он бывший генерал, командовал Лейб-гвардии Гренадерским и Семеновским полками¹⁶⁹. В настоящее время служит в Особо-военном¹⁷⁰ совещании при Реввоенсовете Республики.

Приметы: Лет 40¹⁷¹. Высокого роста, сутуловат, волосы острижены под машинку, на передней части головы большая лысина, лицо продолговатое, нос прямой, глаза голубые, седые усы, голос немного грубы[й], хриповатый, при походке широко расставляет ноги, при чтении одевает очки.

Одет: без фуражки, офицерский мундир защитного цвета со светлыми пуговицами, карманы и рукава обшиты галунами светло-голубого цвета, синие брюки, темные ботинки с острыми носками.

Зам. начальник[а] агентуры Голов

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 192. Машинопись.

¹⁶⁸ В документе ошибочно — августа.

¹⁶⁹ На самом деле Зайончковский командовал Лейб-гвардии Егерским полком (18.02.1906–11.07.1908).

¹⁷⁰ Правильно — в Особом совещании.

¹⁷¹ В действительности Зайончковскому было 57 лет.

Документ 18. Дополнение к сводке наблюдения
за А.М. Зайончковским за 6 сентября 1920 г.

Разработка по делу Зайончковского

К сводке за 6 сентября. Произведя установку в гараже РВСР по Новинскому бульвару д. № 36, выяснено, что автомобиль за № 2837 6 сентября с 18 час. 40 мин. был в распоряжении Зайончковского под управлением шофера Кулета, автомобиль был подан на Солянку, в дом № 1 и отвез Зайончковского в Полевой штаб РВСР и в 19 час. 30 мин. был отпущен в гараж.

Зам. нач[альника] агентуры Голов

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 209. Машинопись.

Документ 19. Сводка наблюдений за А.М. Зайончковским
за 9–13 сентября 1920 г.

Сводка

за 9, 10, 11, 12, 13 сентября 1920 года

по делу Зайончковского

9 сентября. В 10 час. 10 мин. З. вышел из дома с неизвестным мужчиной.

Приметы: Лет 35, среднего роста, рыжие волосы, маленькое худощавое лицо, небольшие рыжие усы и борода.

Одет: Защитного цвета фуражку, защитного цвета френч, синие брюки-галифе, желтые сапоги со шпорами и, сев в ожидавший их автомобиль за № 681, уехали по направлению Варварской площади.

В 14 час. 30 мин. они возвратились на этом же автомобиле домой и до 21 часа выхода З. замечено не было.

10 сентября. Выхода и входа З. замечено не было.

11 сентября. В 10 час. 40 мин. З., выйдя из дома, направился в Ваганьковский пер. и вошел в дом № 8 Главное управление архивных дел.

В 15 час. З., выйдя оттуда, возвратился домой.

Более выхода З. замечено не было.

12 сентября. Выхода и входа З. замечено не было.

13 сентября. В 12 час. 30 мин. из дома вышел З. и, дойдя до Забельского¹⁷² пер., встретил неизвестного мужчину.

¹⁷² Такого переулка не было. Речь идет о Забелинском проезде между Кремлевской стеной и Историческим музеем.

Приметы: Лет 27, высокого роста, волосы темно-русые, тонкий длинный нос, усы подстрижены по-английски, гнилые зубы.

Одет: Кожаную черную фуражку, кожаную тужурку, черные суконные брюки галифе и черные сапоги.

Неизвестный взял под руку З., и они направились в Александровский сад, где сели на скамейку, поговорив минут пять, они встали и, пойдя к Кремлевской стене, распрощались. Неизвестный пошел по направлению Красной площади, а З. на Воздвиженку, где встретился еще с неизвестным мужчиной.

Приметы: Лет 20, среднего роста, волосы русые, круглое лицо, нос прямой, глаза темные, усы и борода бритые.

Одет: Защитного цвета фуражку, зеленую гимнастерку, брюки зеленые, обшитые черной кожей, черные сапоги, сбоку висит револьвер.

С которым З. пошел по Воздвиженке, где встретил еще неизвестного мужчину.

Приметы: Лет 30, среднего роста, смуглое лицо, борода и усы черные, нос прямой.

Одет: Коричневую кепку, светло-серую шинель, черные сапоги.

З., здороваясь с неизвестным, поцеловался, в это время к ним подъехал автомобиль за № 2273, из которого вышел неизвестный мужчина.

Приметы: Лет 28, ниже среднего роста, темно-русые волосы, маленькие темно-русые усы.

Одет: Черную кожаную фуражку, кожаную тужурку, темно-синие брюки, черные сапоги.

Поздоровавшись с ними и поговорив минуты три, неизвестный сел в автомобиль и поехал на Поварскую ул., З и двое неизвестных, постояв еще несколько минут, направились к Крестовоздвиженскому пер., где один из неизвестных, простившись с З. и другим неизвестным, направился к Александровскому саду, а З. с другим неизвестным, дойдя до РВСР, распрощались, З. вошел в туда, а неизвестный пошел по Знаменке.

В 15 час. З. вышел из РВСР и, пойдя на Ваганьковский пер., где вошел в дом № 8.

Спустя 40 минут З. вышел из дома № 8 и возвратился домой.

В 19 час. З., выйдя из дома, сел в ожидавший его автомобиль за № 1031 и поехал по направлению Красной площади.

До 23 час. возвращения З. замечено не было.

Зам. нач[альника] агентуры Голов

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 207-208. Машинопись.

Документ 20. Дополнение к сводке наблюдения
за А.М. Зайончковским за 13 сентября 1920 г.

Разработка по делу Зайончковского

К сводке за 13 сентября. Произведя установку в гараже Полевого штаба РВСР по Новинскому бульвару, дом № 36, выяснено, что автомобиль за № 1031 по распоряжению начальника штаба 13 сентября в 18 час. 30 минут был подан тов. Зайончковскому под управлением шофера Жаринского, и с Солянки доставил его на Знаменку в РВСР.

Заместитель начальника агентства Голов

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 213. Машинопись.

Документ 21. Агентурная записка о телефонных переговорах
Н.В. Брусиловой и М.М. Зайончковской (предположительно).

23 октября 1920 г.

Осведомительное отделение

23 октября 1920 г.

Совершенно секретно.

Начальнику оперативного отдела

Агентурная записка № 352

Сведения с контрольного аппарата № 3-40-65 за 22 октября с.г.

«Слушаю». «Надежда Владимировна». «Слушаю, это Варюша[?]»¹⁷³
«Да, это я». «Что же вы не пришли, Алексей Алексеевич Вас ждет». «Я сегодня так устала, я не могу придти». «Алексей Алексеевич ждет и сердится». «Я целый день бегала, была на Лубянке». «Если не послушаетесь и не придете за советом к Ал. Ал., будете бегать по всему городу, по Лубянке и Бутыркам». «Я не могу сегодня придти. Я так устала». «Как хотите, Ал. Ал. сердится». «Ну хорошо, я приду». «Как же Вы придете, у Вас кружится голова». «Я может быть приду».

Начальник Осведомительного отделения [неразборчиво]

[Резолюция:] т. Агранову. Разговор жены Брусилова с женой Зайончковского¹⁷⁴. К делу Зайончковского. 23/Х Г. Ягода [?]

ЦА ФСБ. Д. Р-28415. Л. 226. Машинопись. Подлинник.

¹⁷³ По-видимому, имя при прослушивании записано ошибочно.

¹⁷⁴ Супругу Зайончковского звали Марфа Михайловна.

Список литературы / References

1. Абрамов А.С. *У Кремлевской стены*. М.: Политиздат, 1978. 400 с.
Abramov A.S. *At the Kremlin wall*. Moscow: Politizdat, 1978. 400 p. (in Russ.).
2. Веремченко В.А., Каминский В.В. Андрей Медардович Зайончковский: скрытый идеалист и льстивый царедворец. *Новейшая история России*. 2018;8(2):397–409.
Veremenko V.A., Kaminskiy V.V. Andrei Medardovich Zayonchkovsky: A hidden idealist and a flattering courtier. *Modern History of Russia*. 2018;8(2):397–409 (in Russ.).
3. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.
Ganin A.V. «The brain of the army» during the «Russian Turmoil»: Articles and Documents. Moscow: Russkiy put', 2013. 880 p. (in Russ.).
4. Ганин А.В. *50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922*. М.: Кучково поле Музеон; Издательский центр «Воевода», 2022. 704 с.
Ganin A.V. *50 officers. Heroes, antiheroes and victims at a historical turning point. 1917–1922*. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon; «Voevoda» publishing center, 2022. 704 p. (in Russ.).
5. Ганин А.В. Аресты членов Особого совещания при главнокомандующем в документах Московского Политического Красного Креста. *Военно-исторический журнал*. 2018;(3):64–71.
Ganin A.V. Arrests of members of the Special Conference under the Commander-in-Chief in the documents of the Moscow Political Red Cross. *Military Historical Journal*. 2018;(3):64–71 (in Russ.).
6. Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского. *Вопросы истории*. 2006;(2):141–143.
Ganin A.V. General A.M. Zayonchkovsky's travel bag. *Voprosy Istorii*. 2006;(2):141–143 (in Russ.).
7. *Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
Civil War and Military intervention in the USSR: Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 720 p. (in Russ.).
8. Дубинский И.В., Шевчук Г.М. *Червонное казачество*. Киев: Политиздат Украины, 1987. 244 с.
Dubinsky I.V., Shevchuk G.M. *Red cossacks*. Kyiv: Politizdat Ukrainy, 1987. 244 p. (in Russ.).

9. Зданович А.А. *Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934)*. М.: Кучково поле; продюсерский центр Икс-Хистори, 2008. 800 с.
 Zdanovich A.A. *State security agencies and the Red Army: Activities of the VChK–OGPU to ensure the security of the Red Army (1921–1934)*. Moscow: Kuchkovo pole; X-History production center, 2008. 800 p. (in Russ.).
10. Зданович А.А. *Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК–НКВД, 1918–1938 гг.* М.: Крафт+, 2017. 480 с.
 Zdanovich A.A. *Polish cross of Soviet counterintelligence. Polish line in the work of the VChK–NKVD. 1918–1938*. Moscow: Kraft+, 2017. 480 p. (in Russ.).
11. Капнин К.Л. Отрывок из воспоминаний о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 г. / Оpubл. А.В. Тихомирова. *Страницы истории Гражданской войны на Орловщине*. Орел, 2010. С. 93–104.
 Kapnin K.L. An excerpt from the memoirs of the battles of the Volunteer Army near Orel in the autumn of 1919 / Publ. by A.V. Tikhomirova. *Pages of the history of the Civil War in the Orel region*. Orel, 2010. P. 93–104 (in Russ.).
12. Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 г. «*Studia Balkanica*» (К юбилею Р.П. Гришиной). *Сборник государственных документов*. М., 2010. С. 139–185.
 Kashirin V.B. Campaign in the Dobrujan Steppe: Evolution of the concept, planning and preparation of the expedition of Russian troops beyond the Danube in 1916. «*Studia Balkanica*» (For the Anniversary of R.P. Grishina). *Collection of state documents*. Moscow, 2010. P. 139–185 (in Russ.).
13. Левитов М.Н. *Материалы для истории Корниловского ударного полка*. Париж, 1974. 669 с.
 Levitov M.N. *Materials for the history of the Kornilov's shock regiment*. Paris, 1974. 669 p. (in Russ.).
14. *Материалы для истории Корниловского ударного полка* / Отв. сост. М.Н. Левитов; под ред. Р.Г. Гагкуева. М.: Посев, 2015. 872 с.
Materials for the history of the Kornilov's shock regiment / Resp. comp. by M.N. Levitov; ed. by R.G. Gagkuev. M.: Posev, 2015. 872 p. (in Russ.).
15. Минаков С.Т. *Советская военная элита 20-х годов: Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль*. Орел: Орелиздат, 2000. 559 с.

- Minakov S.T. *Soviet military elite of the 1920s: Composition, evolution, socio-cultural characteristics and political role*. Orel: Orelizdat, 2000. 559 p. (in Russ.).
16. Проваленкова И.В. Генерал А.М. Зайончковский между «красными» и «белыми». Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года. *Мат. Всерос. науч. конф., посв. 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 г.* Орел, 2010. С. 57–66.
Provalenkova I.V. General A.M. Zayonchkovsky between the «Reds» and the «Whites». The Civil War in Russia and the Orel-Kromsk battle of 1919. *Proc. of the All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 90th Anniversary of the Orel-Kromsk battle of 1919*. Orel, 2010. P. 57–66 (in Russ.).
17. Проваленкова И.В. Русский военачальник и военный ученый А.М. Зайончковский. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки (Орел)*. 2008;(1):30–35.
Provalenkova I.V. Russian commander and military scientist A.M. Zayonchkovsky. *Scientific notes of the Orel State University. Series: humanitarian and social sciences (Orel)*. 2008;(1):30–35 (in Russ.).
18. Шестопалов П.И. Генерал А.М. Зайончковский на службе в Советской России. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016;72(3):94–98.
Shestopalov P.I. General A.M. Zayonchkovsky in the service of Soviet Russia. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanitarian and social sciences*. 2016;72(3):94–98 (in Russ.).

Ганин Андрей Владиславович
Andrey V. Ganin

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук.
Москва, Российская
Федерация.
e-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990
SPIN-code: 1144-9875

D.Sc. (History), Leading Research
Fellow at the Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation.
e-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990
SPIN-code: 1144-9875

Поступила в редакцию
Received
05.02.2025

Принята к публикации
Accepted
20.03.2025